

Ада Ммант

Хранители 2

Ада Ммант

Хранители 2

«Издательские решения»

Ммант А.

Хранители 2 / А. Ммант — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831920-4

Многие тысячелетия темные боги и боги света ведут бесконечную борьбу. Но века сменяют столетия: меняется мир, жизнь становится другой, старые боги уходят в «лето», а на их место пришли их потомки. И теперь уже не боги, а Хранители — воины света — ведут свою жестокую борьбу с нечистью, которая представляет угрозу для всего человечества.

ISBN 978-5-44-831920-4

© Ммант А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Хранители 2

Ада Ммант

© Ада Ммант, 2016

© Галина Андреевна Абдалова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-1920-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Задрожала земля. Нависшие над полем темные тучи разразились оглушительным грохотом; яркая молния ударила в землю, перед семарглами и рарогами предстал во всей своей ужасающей красоте громадный, чудовищный Змей. Константину никогда в жизни не приходилось видеть повелителя «Нави». За девять долгих столетий он повидал многое, но никогда ему еще не случалось сталкиваться воочию в бою с Чернобогом. И теперь он сильно жалел, что отважился вызвать этого ужасного и безумного демона.

Змей пронзительно зашипел, огляделся по сторонам: его ядовито-красные глаза внушали дикий ужас. Чудовище громко засмеялось, а затем оглушительно завизжало. От жуткого противного визга, напоминающего сирену «скорой помощи», у всех собравшихся воинов-хранителей лопнули перепонки, из ушей потекла кровь. Семарглы, в одно мгновение, обернулись волками, бросились в атаку на демона. Самые опытные хранители жарили врага пламенем. Демон к величайшему разочарованию ловко уворачивался от их огненных «стрел», в руках он сжимал огромный меч, безжалостно рубил всех направо и налево.

С неба вели свою атаку бесстрашные воины рароги. Огненные соколы кружились над громадным чудовищем, жгли его глазами, трепали когтями. Змей ревел и извивался, и все же хранители понимали, что их атаки для него, что комариные укусы – совсем безвредны. Демон же в свою очередь успел своим мечом изрубить трех соколов, а на нем за это время не появилось ни одной царапины.

Через некоторое время Константин увидел над деревьями крылатых людей. С ними ему приходилось встречаться раньше. Это были змеиные полукровки – мелкие демоны. Их матери были обычными женщинами, а отцом сам Змей. С каждой минутой их численность росла, когда перевалило за десяток, демоны бросились в атаку на рарогов.

Константин, мысленно, велел семарглам отступить от главного демона: на подходе были новые гости. Он громко взвыл, предупредил стаю о приближении вампиров. Вихрями вырывались из леса обезумевшие упыри. Их кровавые глаза пылали жадой, а от тел исходило белое свечение. Обезумевшие от запаха крови вампиры в беспорядке метались по полю, семарглы ловко рвали обезумевших чудовищ на части и безжалостно убивали их.

Беда заключалась в том, что темных с каждым мгновением становилось все больше и больше. Следом за вампирами на подмогу к Змею пришли оборотни. Вожак стаи сморщился от мерзкого запаха волкодлаков: из его груди вырвалось сердитое рычание. Собираясь идти на бой, Константин собрал все две семьи – небольшую армию, численностью в четыреста пятьдесят человек. Дома остались лишь самые юные и беременные женщины. В сражении они ничем не могли помочь, только стали бы помехой.

Враг уже превышал численность хранителей в несколько десятков раз и продолжал стекаться со всех сторон бесконечной, обезумевшей рекой. Константин мысленно радовался тому, что Кирилл не приехал в Москву, что ему удалось отправить Киру к тетке. Этим двоим, здесь было не место, тем более что он в действительности смирился с поражением.

Взревев, вожак стаи бросился бежать вперед. Сейчас главной целью был Змей, глаза Константина метали в демона огненные лучи – но все без толку. Мысленно он связался со своими старейшинами и велел им одним махом ударить по врагу. Константин зарычал, бросился на Змея, вцепился ему острыми клыками в шею.

Демон зашипел, закружился: в один оборот разбросал по разным сторонам огненных волков и стал беспорядочно махать своим длинным мечом. Глава семьи продолжал висеть у него на шее, но демон вскоре сорвал его с себя и что есть сил швырнул на землю. Послышался хруст костей: Константин задрал свою волчью морду, свирепо зарычал. На него с немыслимо-бешеной скоростью, разрезая воздух, несся меч.

Неожиданно меч завис в воздухе перед самым лицом, и Константин услышал знакомое рычание. Он застыл от ужаса, когда увидел, повисшую, на руке Змея, серебряную волчицу. Вожак громко взвыл, и семарглы повинаясь его приказу, мгновенно бросились на демона. Все происходило так быстро, так стремительно: Змей отодрал от себя Киру, швырнул ее на стволы деревьев. Она ударилась о ствол и упала на землю, демон ринулся к ней. Ни рогоги, ни семарглы не могли его остановить. Громко шипя, он продолжал ползти к искалеченной волчице. В его руках блестел меч. Все взоры были прикованы к Змею, никто не сомневался в том что чудовище собирается убить Киру.

Константин уже давно понял, что это за меч – волшебный подарок самих богов – меч дракона, выкованный самим Перуном из волос огненных богов: Дажьбога, Хороса и Ярило.

Скрипя зубами, преодолевая боль, Константин поднялся с земли, рванул на помощь к Кире, но многочисленные переломы, еще не успевшие зажить, продолжали сковывать его движения. В глазах стоял ужас, а в горле застрял дикий крик. Змей занес над бесчувственной Кирой меч, а затем рассек им волчицу. Константин тихо взвыл и с новой силой бросился к Кире, с ужасом понимая, что он опоздал. Сердце сжималось от горечи и боли, оно гремело как барабанная дробь, отдаваясь диким грохотом в висках и ушах.

Казалось, что весь мир померк у него на глазах. И тут он увидел, как неподвижное тело стало перевоплощаться. Волчья шкура быстро сползала со спины, с рук, с ног. Константин изумился, на месте Киры лежал юношу. Это был тот самый парень, которого он разыскивал последние недели...

В следующую минуту послышался дикий вопль Киры. Глаза вожака метнулись влево, и он заметил обнаженную девушку. Она, из последних сил, ползла к любимому и, когда подползла ближе, то обняла его и крепко прижала к груди. Константин знал, что Кира могла пожертвовать своей жизнью ради своего возлюбленного Влада, но чтобы демон был способен на самопожертвование – это было что-то необъяснимое.

Вожак стаи взглянул на Змея и понял, что не только он шокирован произошедшим событием. Змей громко зашипел, стал пятиться назад. Семарглы и рогоги с новой силой набросились на демона. Змей в свою очередь дико завизжал, а в следующую секунду и вовсе растворился в воздухе. Вампиры, оборотни и крылатые демоны впопыхах оставили поле сражения, повинаясь приказу своего «темного» господина.

Загremели небеса, на землю стали падать капли дождя. Пошел сильный косой дождь. Семарглы и рогоги восторженно взвыли, радуясь победе, и лишь один Константин понимал, что сегодня они снова проиграли: жизни десятков хранителей и меч дракона Змей унес в этот день с собой...

Глава 1

– Ты приедешь? – послышался из трубки телефона безжизненный, усталый голос отца.

– Нет, – безразлично ответил я. Мне совсем не хотелось возвращаться обратно в Москву. Тем более, после всего случившегося. Вот уже на протяжении нескольких недель он звонил, требовал, чтобы я вернулся домой. Я горько усмехнулся: мой всеильный отец – вожак стаи! переживал не лучшие времена в своей многовековой жизни. Ему тяжело далась последняя битва – ну и поделом ему!

Прошел месяц с того злополучного дня, но я все еще никак не мог простить ему, то, что он натворил и себе тоже. Ночами мне снились кошмары – смерть собратьев и товарищей рарогов легла тяжелым грузом на мои плечи. На электронную почту, отец прислал неутешительные списки погибших. Полторы сотни воинов погибло в тот жуткий день, из них тридцать семарглов и сто двадцать рарогов. Тысячу раз я проклинал себя за то, что отправил отцу древние тексты. Мне и в голову не могло прийти, что отец решит ими воспользоваться, да и не верилось в то, что они действительно точны.

Полтора месяца назад мне удалось отыскать «тайник богов», о котором часто рассказывал старейшина Богдан. Семарглы всегда сомневались в том, что таковой существует на свете. И все же я отправился на его поиски. Купил билет на самолет и улетел в Кемерово. Мне самому не верилось в то, что я найду его, больше всего хотелось тогда уехать подальше от дома.

Три с половиной недели я прочесывал окрестности Кемеровской области, а ночами штудировал старинные архивы, разыскивая хоть какую-то зацепку о таинственном тайнике. Отец уговаривал, чтобы я бросил эти поиски и вернулся домой, но мне все-таки удалось отыскать древний тайник – моей радости не было конца. Мой разум ликовал – мысленно праздновал триумф.

В тайнике, по древним сказаниям, хранился особенный меч дракона – лишь только он способен убить любого бога. Многие столетия знающие люди разыскивали тайник, и только мне одному удалось найти его!

Беда же заключалась в том, что в итоге тайник оказался разграбленным. Так что заветного меча дракона найти так и не пришлось. Раздосадованный этим, я вернулся обратно на съемную квартиру, но уже утром снова отправился к тайнику, надеясь, что мне удастся понять и выяснить, кто побывал в тайнике до меня.

В тайнике мне удалось отыскать старинные тексты, которые я тут же стал переводить. После долгих кропотливых ночей у меня в руках оказался перевод ритуала по вызову демона подземного царства. Весь ритуал основывался на жертвоприношениях. Змей, как известно, питался грехами и пороками умерших людей, правда, в человеческом мире он предпочитал молодых и здоровых девственников. Это объяснялось тем, что в их крови кипела нерастратенная энергия, такая кровь придавал Змею больше сил.

Ознакомившись с древним ритуалом, я подумал, что это какой-то бред, но, не смотря на это, отправил тайные тексты и экземпляр перевода в Москву. Там мудрые старейшины должны были быстрее выяснить подлинность этой находки и разобраться что к чему...

Мне неизвестно, где ему удалось найти за такое короткое время девственников, но уже через несколько дней отец позвонил и сказал, что собирается вызвать Змея на бой; велел мне немедленно возвращаться в Москву. Сначала я пытался его отговорить от этой затеи и просил дождаться меня, но он был неумолим. Пророчество выело ему все мозги, и, теперь, он трясся только об одном упоминание о Залазе.

Отец решил, одним махом, покончить с пророчеством и очистить землю от нечисти. Я не стал ему объяснять, что невозможно уничтожить все то, зло за один день, что поражало

нашу землю тысячелетия. Проще уничтожить всю жизнь на земле и планету целиком, нежели в одночасье искоренить всех демонов.

В Москву я так и не вернулся: просто не желал участвовать в этой сомнительной черной комедии, да и не верил в то, что им удастся вызвать демона на бой. Это же не сантехника по телефону на дом вызвать...

И, вот теперь, отец звонил мне и просил вернуться. А куда возвращаться? Никогда не был сентиментальным, но встречаться с близкими совсем не хотелось. Я прикрыл глаза – представил себе на минуту выпланные глаза тетки и сестры: по моей коже пробежался мороз. Лица потерял в этой битве двух сыновей, а Настя одного, да еще и внука. Возвращаться в храм боли, отчаянья и утраты было выше моих сил.

Но больше всего, конечно, я боялся встречи лишь с одним человеком, и этим человеком была Кира...

– Прощу тебя, Кирилл, приезжай домой, – просьба отца вырвала меня из горьких размышлений. Я прочистил горло, которое сильно саднило от нахлынувших на меня чувств, и немного грубовато ответил:

– Нет, не приеду, даже не проси!

– Мне нужна твоя помощь, Кирилл! Кире невыносимо плохо, и я не знаю чем ей помочь.

– Действительно? Ну, представь себе, я тоже здесь абсолютно бессилен, – сквозь зубы процедил я. Упоминание о Кире заставило мое сердце биться быстрее, а в горле встал сухой ком, грозивший разорвать глотку в кровь. Глаза тоже загорели, мне с трудом удалось сдерживать наворачивающиеся слезы. Бедная девочка потеряла самое ценное в своей жизни. Мне тут же вспомнились ее отчаянные слова, когда она оправдывала своего возлюбленного.

«Я всегда буду его защищать, до последнего вздоха, до последней минуты своей жизни, но никому не позволю отнять его у меня!»

О такой безрассудной любви мне оставалось лишь мечтать...

– Кирилл, ты не понял меня. Кира умирает, – сердито взревел в трубку отец – чувствовалось, что у него опускаются руки, но затем все-таки уговорил свой пыл и заговорил чуть мягче: – Она ни пьет, ни ест, она похудела на двадцать килограмм – стала легкой, как перышко. Я не могу смотреть на нее без слез. Она не дает ставить себе капельницы, и лекарства ей почти не помогают. Прощу тебя, Кирилл, приезжай, я же знаю, что ты любишь ее.

Сказав это, отец бросил трубку. Короткие гудки стали доноситься до моего слуха словно издали. Мое сердце судорожно сжалось в груди...

Стоило только увидеть впервые Киру, как она сразу же поселилась в моем сердце. Я и сейчас помню ее хрупкий и нежный образ...

В тот день мне не хотелось идти на торжественное посвящение, которое отец устроил для Киры. Да и вообще с самого начала я всем сердцем желал чтобы ее никогда не нашли.

Я заочно возненавидел Киру, стоило отцу только почувствовать перерождение новой самки, и мой обычный мир рухнул. Отец прожужжал мне все уши, «вынес» все мозги, о предстоящей женитьбе и о моей будущей невесте.

Он отправил на поиски волчицы почти всех хранителей, но я остался. Совсем не жаждал принимать в этом никакого участия. Дух противоречия овладел мной: мысль о предстоящей женитьбе стала для меня ненавистной – омерзительной.

И все же, когда Киру нашли и привезли в Москву, меня одолело любопытство. Я специально отправился в бальный зал, чтобы посмотреть на свою нареченную. Для приветствия Киры собрались две семьи. Повсюду мелькали и блистали разноцветные шелка вечерних нарядов, дорогие украшения.

Весь зал пропитался духами да дорогим парфюмом. Запах стоял невыносимый: другим словом, как зловоние я назвать его не мог. Тем более, что у всех присутствующих был отменный нюх. Не думаю, что меня это волновало больше чем всех, но другие в отличие от меня,

беззаботно прибывали в бальном зале, болтали и приветствовали друг друга. Мне же приходилось постоянно прикрывать нос рукой, чтобы не начать чихать.

Вскоре передо мной предстал Денис. Этого парня я знал давно – отличный малый, только вот в этот раз он оказал мне медвежью услугу. Если бы не он, то я бы сейчас не торчал здесь и не ждал появления своей будущей жены. Конечно, на руку Киры имелся еще один претендент Руслан, но почему-то он не казался мен достойным соперником. Правда, сегодня я молил богов, чтобы кузен понравился Кире. Если девушка выберет его, то отец уже ничего не сможет с этим поделать и отстанет от меня со своей навязчивой идеей о женитьбе.

В зале заиграла музыка: родственники и гости немного взбодрились и загалдели, как неугомонные сороки на куче с мусором. Меня стало забавлять это сборище, и я даже улыбнулся, представив, как все разочаруются, увидев новоявленную волчицу. Почему-то я представлял ее себе невыносимо безобразной. Мне очень хотелось, чтобы она была толстой как гип-попотам.

Мне даже пришла в голову идея, встать в центре залы, прямо напротив дверей, из-за которых должна была появиться Кира. Мои глаза с нетерпением смотрели на двери: часы показывали двенадцать, а объект моего веселья еще не появился. «Наверное, испугалась собственного отражения в зеркале и решила не приходить совсем», – злорадно подумал я и меня разоб-рал безудержный смех...

Но вскоре что-то изменилось в окружающей обстановке: мой слух престал улавливать голоса. Мои глаза по-прежнему смотрели на дверь, на закрытую дверь. И вдруг я услышал восхищенный вздох, он заставил меня резко повернуться. Мой взгляд метнулся к лестнице и замер на верхней ступени. Раздались бурные аплодисменты.

Перед моими глазами предстала сияющая богиня, в свете тысячи огней она казалась нереальной, неземной – словно сама луна спустилась на землю. Мое дыхание участилось, а в горле пересохло, я судорожно сглотнул слюну, чтобы горло перестало саднить.

Мягким облаком она плыла ко мне навстречу: никогда в жизни не видел ничего подобного и прекраснее, чем ее лицо. Мне безумно хотелось подойти к ней и прижаться к ее лилей-ной коже. Но я не осмелился, мой разум взбунтовался вновь. Я никогда не верил в любовь и уж тем более, никогда не влюблялся. И тому, что сейчас творилось у меня в душе, мне не уда-валось найти разумного объяснения. Я с трудом заставил себя оторвать свой взгляд от Киры и быстро как только мог зашагал прочь из залы...

* * *

Таксист с нетерпением прохаживался около машины. Я снял с плеча сумку и сбежал с крыльца. Водитель открыл багажник и помог мне загрузить сумки. Мы сели в машину, направились к аэропорту. Мой взгляд бессмысленно блуждал по белым сугробам и черным стволам деревьев.

Водитель вел машину неторопливо, не смотря на то, что дорога оказалась практически пустой. Стрелки на часах показывали восемь утра. После телефонного звонка отца я поспешил собрать свои вещи, вызвал машину и спустился вниз.

Слова отца удивили меня: не думал, что этот старый лис так хорошо во мне разбирается. Мне почему-то казалось, что если бы мой старик знал о моих чувствах к Кире, то никогда бы не позволил уехать. Итак, выходило, что отец меня знает куда лучше, чем я от него этого ожи-дал.

После нашей встречи с Кирой не проходило и минуты, чтобы я не думал о ней. Но, не смотря на это, я ничем не выказывал своего отношения, свои чувства умело скрывал от всех. Я перестал ходить в столовую, лишь бы не встречаться с Кирой. И отказался от охоты, на кото-рой девушке предстояло впервые охотиться, хотя отец настаивал на моем присутствии. А потом

я сильно жалел, что не отправился со всеми. Мне думалось, что будь я там, то не позволил бы никому похитить Киру и этого странного демона просто бы разорвал на части.

После охоты я стал следить за ней. Никогда не думал, что кого-то можно так сильно ревновать. Рарога Дениса я просто возненавидел – этот похотливый самец при каждом удобном случае лапал Киру. Боясь, что в одночасье сверну ему шею, я перестал следить за Кирой. И, чтобы мои мысли и желания не довели меня до сумасшествия, с головой окунулся в работу.

Наши ученые изобрели прибор, реагирующий на ритм нашего сердца. У семарглов и у рарогов сердце билось немного медленнее, чем у людей и в тепловом спектре мы выглядели не красного цвета, а желтого. Теперь мне приходилось объезжать города и испытывать этот уникальный прибор, разыскивая себе подобных.

Недолгое время меня это занятие отвлекало от мыслей о Кире, но вскоре начались занятия в нашем институте, в котором вот уже три года я преподавал предмет демонологии. Мне было известно абсолютно все про демонов, их повадки, их пристрастия – я, не раздумывая, мог перечислить пантеон любых богов, каких либо живущих или придуманных на нашей планете. Самое забавное лишь заключалось в том, что мне никогда не узнать, что из этого является ложью, а что правдой, даже не смотря на то, что я сам был потомком бога...

Автомобиль бесшумно остановился, распрощавшись с водителем, я поспешил к аэропорту. Холодный ветер стал трепать мое пальто, волосы и шарф. Недавно сделал себе новую стрижку и, теперь, чувствовал себя голым.

Мне удалось купить билет на самолет на утренний рейс, кто-то из пассажиров в последний час отказался от полета. И благодаря этому сейчас я сидел в небольшой столовой и ждал посадки.

Мои руки нервно теребили малюсенькую кофейную ложечку, четыре точно такие же пластмасски лежали на столе. За час с небольшим уговорил пять кружек кофе, хорошо, что кружки были тоже кофейные, а иначе пришлось бы разыскивать уборную. В раздумьях время всегда проносилось мгновенно, и вот уже диктор объявил о посадке на самолет.

На автопилоте я поднялся со стула, подхватил свои сумки и направился к персоналу. Милая девушка улыбалась пассажирам во весь рот, но я не замечал ее радушия. Все мои мысли находились рядом с Кирой. Отец просил помочь ему, но мне ничего не приходило в голову. Я совсем не знал, что скажу Кире, когда приду ее навестить. Смерть возлюбленного это очень большая потеря. Чтобы понимать чувства Киры надо оказаться на ее месте. Но я даже боялся себе представить, что Кира когда-нибудь умрет. Одна только мысль заставляла меня содрогаться от ужаса.

На лбу выступил пот, я вытер его рукавом рубашки и поспешил занять место у иллюминатора. Тут же ко мне подскочила девушка и предложила принести еды и напитки. Я отказался. Самолет взлетал в десять: время завтрака давно миновало, а обеда не наступило. Да и есть, особо не хотелось, кофе все еще булькал в желудке.

Вскоре загудели двигатели самолета; стюардесса попросила проверить пристегнуты ли ремни и предупредила о взлете. Я прикрыл глаза и откинулся на кресло: люблю летать на самолете, особенно, обожаю, момент взлета – самолет разгоняется и давление прижимает тебя к креслу.

Тихий шум турбин укачивал, немного погодя я заснул. Мне снова снилась Кира, такая нежная, желанная, но не моя. Влад умер, но его образ продолжал преследовать меня во сне, в мыслях. Сегодня Кира снова его целовала, я стоял в трех метрах от машины, смотрел на них: сердце обливалось кровью. До боли сжал кулаки; из груди рвался волчий рев. Влад оглянулся, посмотрел на меня черными глазами; за спиной вмиг развернулись крылья, он схватил Киру, громко рассмеялся и взлетел в небо – исчез...

В моих снах Влад всегда забирал у меня Киру. Я знал, что он мертв и, что не стоит бояться этого сна, и все же сны продолжали сниться, преследовать и тревожить меня.

С ненавистью я вспоминал этого демона, а порой винил себя во всем, мне казалось, что все этого могло и не случиться. Если бы я не позволил Кире встретиться с ним, то она никогда бы его не полюбила и теперь не страдала от утраты.

Но я прятался от нее, от своих чувств, и сейчас уже ничего невозможно изменить. Хотя судьба все сама расставила на места. Мне не хотелось признаваться в этом даже себе, но я искренне радовался тому, что Влад погиб, и уверен, что когда-нибудь мне еще придется об этом сожалеть.

Нехотя я разлепил глаза, щурясь, посмотрел в иллюминатор: светило яркое солнце, а внизу багровели облака. Стюардесса сообщила о посадке. Через некоторое время самолет затрясло, а затем он плавно сел на посадочную полосу и остановился.

* * *

Митя встретил меня в аэропорту, схватил одну сумку и зашагал к выходу. Обычно всегда приветливый, веселый он сегодня выглядел мрачнее тучи. Митя приходился Ставру правнуком. Могучий бесстрашный семаггл, как и многие другие, погиб на поле боя. Для всей семьи это была большая потеря, что уж говорить о самых близких.

Мы сели в машину, Митя включил на всю громкость магнитола. Наверное, ему не хотелось разговаривать со мной, бередить еще свежие раны. Меня это немного успокоило, я и сам еще не был готов к разговорам. Мне с трудом удавалось сдерживать себя, чтобы не высказать Мити сочувствие по поводу гибели Ставра. У нас в семье было не принято высказывать сочувствие. Так проще и быстрее забыть про все. Эта наша бессмертная жизнь длинная и горькая, любимые люди стареют, умирают – уходят из наших жизней, а мы продолжаем жить дальше, оставляя в сердцах только крупинцы памяти о них, да горечь утраты. Многие думают, что бессмертие – это дар, когда-то и я так думал, но потом пришел к выводу, что это все-таки проклятье...

Автомобиль свернул на Беговую улицу и замедлил скорость. Я оторвал свой взгляд от стекла. На дворе стояло десятое декабря, а снег только тротуар припорошил. Никогда не любил зиму в Москве. Другое дело на севере, все кругом чистое, белое, а здесь грязь слякоть – мерзость.

Я вылез из машины, вынул свои вещи и зашагал к дому, не стал ждать, когда мне поможет Митя. На улице практически стемнело, хотя еще не было и пяти часов. Мой взгляд скользнул по темному зданию, по его светящимся окнам и задержался на тринадцатом этаже. Живот скрутило. Мне захотелось немедленно сорваться с места и побежать к Кире. Мы не виделись с ней два месяца, и я сильно соскучился по ней. Не думаю, что она соскучилась по мне хоть чуточку, скорее всего, она вообще не захочет меня видеть. И все же я решил навестить ее сразу, как только избавлюсь от своих сумок и переоденусь.

Двери лифта медленно разъехались, пропустили меня внутрь. Оказавшись в лифте, я поставил на пол сумки и стал расстегивать пальто. Вдруг стало невыносимо жарко, а еще меня немного потрушивало, обычно больной человек чувствует себя так при небольшой температуре.

Панель лифта показывала номера этажей: девятый, десятый. Я машинально нажал на кнопку тринадцатого этажа. Двери вскоре открылись, и я бросился бежать к Кириной комнате. Какая-то неведомая сила тянула туда. У двери немного замешкался, и, заметив, что та чуть открыта, отворил дверь и вошел внутрь.

Мурашки побежали по коже, когда включился свет. Киры нигде не было видно. Кровать вся разобрана. На полу валяется разбитая капельница и покрывало. Я подошел к кровати приподнял подушку. Нет, конечно, я не собирался искать Киру под ней. Просто я давно не видел ее и совсем забыл, как она пахнет. Мои легкие втянули слабый аромат: подушка пахла абрико-

совым мылом. Любимый аромат Киры. От нее так всегда пахло. Мои глаза чуть прикрылись, и я сильнее втянул запах ее кожи. Легкая дрожь прошла по моему телу, я мог бы часами наслаждаться этим великолепным запахом.

Вдруг я услышал, как в ванной капля воды падает и ударяется о воду. В голове мигом пронеслись жуткие мысли. Мне еще не удалось забыть рассказ отца о том, как Кира в первый день чуть не утонула в ванной по своей глупости...

– Нет, – с диким криком я рванул к ванной комнате. Я не хотел верить, что Кира могла покончить жизнь самоубийством. Отец говорил, что она не хочет жить, что хочет умереть, но мне думалось, что все это он говорил лишь для того, чтобы вернуть меня домой.

Вихрем, я ворвался в ванную комнату. В темноте, ванная, наполненная водой, казалась черным зеркалом. Не раздумывая, я подскочил к ванной. Мои руки нащупали в воде тело, сомнений не было – это была Кира. Я подсунул руки под ее ноги и голову, выдернул из ледяной воды. С нею на руках я выбежал в комнату и осторожно уложил на кровать.

Она лежала бездыханная, мертвецки бледная, почти синяя. Секунду мои глаза смотрели на ее неподвижное тело, меня всего трясло от страха. Я облокотился коленом о постель и стал делать ей массаж сердца и искусственное дыхание. Ее ледяные губы обжигали мой рот. Сердце сжималось от боли: Кира не дышала.

У нее не было пульса, и я не слышал как бьется ее сердце. Я еще сильнее стал давить на грудную клетку, но безрезультатно. Паника охватила меня, я набрал воздуха полные легкие и вдохнул ей в рот. Ничего! Из моей груди вырвался отчаянный вопль.

– Отец! – что есть силы, закричал я. Мой рев должны были услышать все жилыцы небоскреба. Я размахнулся и ударь в грудь сжатыми кулаками. Тело Киры вздернулось, изо рта хлынула вода. Я вновь начал давить ей на грудь и вдыхать в рот воздух. Вода вырывалась из ее рта фонтаном. Я остановился, прижался к груди: сердце тихо застучало.

– Дыши, Кира, дыши, – шептали мои губы.

В следующую минуту послышался тихий свист. Киру снова вырвало водой, она открыла глаза, часто задышала. Я украдкой вытер рукой слезы и наклонился над ней, погладил ее мокрые волосы. Кира вся задрожала. Мне пришлось разорвать ее пижаму и укрыть одеялом.

Пока Кира молчала, я растирал ей руки и ноги. Она была невыносимо холодной. Моя голова безумно болела: не припомню, чтобы раньше подобное случалось – после перевоплощения никогда ничем не болел. Но думаю, что и у всесильных мира сего имеются свои пределы.

Вскоре в комнату вбежали Константин, Лика, Настя. Прибежали горничные и Лев Тимурович. Сестра всех выгнала, оставила только доктора и отца.

– Что здесь происходит? – возмущенно вскричал отец и посмотрел на меня. Я как раз растирал Кире левую ступню.

– Это, ты, лучше скажи, что здесь творится? – взревел я в ответ. – Вас и на день оставить одних нельзя. То со змеями деретесь, то за девчонкой углядеть не можете.

Мои глаза метнулись к Кире: ее щеки уже порозовели, и она больше не тряслась от холода. Глаза были закрыты, и мне отчетливо слышалось ее тихое, сонное дыхание. «Уснула малышка», – подумал я и покачал головой. Отец говорил, что она сильно похудела, но я не думал что до такой степени. Щеки впали, под глазами темные круги. Руки и ножки что тростиночки.

– Кирилл, она пыталась утопиться? – спросил меня отец, голос его вздрогнул на последнем слове, и я понял, как все это время ему было тяжело видеть, как истязает себя Кира. Мне, наверное, не удалось бы все это выдержать – я бы наложил на себя руки раньше, чем она.

– Да, – усталый вздох вырвался из моей груди, – Она лежала в ванной, когда я нашел ее, и, пожалуйста, отец, объясни мне, почему вы оставили ее одну – вам прекрасно было известно, что она хочет умереть.

– Мы оставили ее буквально на час, она уснула, и мы оставили ее одну отдохнуть. Вот уже неделю у нее не было сил, чтобы поднять голову от подушки. Мы не думали, что она сможет чем-нибудь себе навредить, – оправдывался отец.

– Ты слишком суров с нами, Кирилл, – обиженно заговорила Настя, – последнее время мы делали все что могли. Да и Лев утверждает, что наше постоянное присутствие может ей навредить еще сильнее.

– Извините, – опомнился я. У меня совсем вылетело из головы. Кира не единственная, кто недавно потерял самое ценное в своей жизни. Вся семья находилась в трауре. Я только сейчас заметил, что тетка и сестра одеты во все темное, обычно они всегда выглядят ярко и пышно...

– Кирилл, – окликнул меня Лев, – Мне кажется, что Киру лучше отвезти в поликлинику. Там есть все нужное, необходимое оборудование, медикаменты и постоянный персонал, который присмотрит за ней.

– Хорошо, так и сделаем, – согласился я.

Лев подошел к Кире, сделал ей укол успокоительного. Он собрался поднять ее на руки, но мне удалось его опередить. Осторожно завернув Киру в теплое одеяло, я сам поднял ее на руки, крепко прижал к груди и зашагал к двери. Отец открыл дверь, и мы дружной компанией зашагали к лифту.

Мои губы целовали мокрые волосы Киры. Мне еще никогда в жизни не выпадал такой шанс побыть с любимой рядом, держать ее в объятиях и целовать – пусть даже не в губы. И все же, все это я с радостью променял бы на то, чтобы с Кирой никогда ничего подобного не случилось. Я бы отдал все на свете, чтобы вновь в ее глазах горел огонь жизни, на щеках сиял алый румянец, а с губ слетал заразительный смех.

Лифт довез нас до пятого этажа. Лев сопровождал нас к палате, а сам отправился давать распоряжение своему медицинскому персоналу. Я осторожно уложил Киру на кровать и поправил одеяло: пока нес ее, оно сбилось. Вскоре в палату вбежала медсестра. Женщины выгнали меня и отца, им нужно было переодеть пациентку.

Все то время, пока тетка с сестрой возились в палате, мы с отцом ждали в коридоре. Десять минут я стоял и смотрел бессмысленным взглядом на отца, свои глаза он отвел уже давно, наверное, чувствовал себя виноватым. Как же все-таки трудно быть моим отцом. Вожак стаи обязан следить за всем, быть всегда в курсе всех дел. За многие годы он размяк и с каждым годом становился все сентиментальнее, наверное, в принципе, как все старики.

Мне вдруг вспомнилась мама, помню: отец был не в себе от горя, на целый год он исчез, уехал далеко-далеко: никто не знал куда он делся, да и сейчас это остается тайной для всех. Тогда мне было всего лет семь, мной занимались тетка и сестра, и все же мне не хватало матери, я боялся потерять еще и отца. Но отец вернулся, начал объединять всех семарглов в одну большую стаю.

Теперь я понимал, почему отец так переживает за Киру, не только из-за нее самой, ему не хотелось, чтобы мне пришлось пережить все то, что когда-то пережил он сам. Ведь он прекрасно знал мои истинные чувства к Кире...

Из палаты вышла медсестра и разрешила нам зайти. Я вошел первый и сразу подошел к Кире. Она еще спала. До моего слуха доносилось ровное дыхание, от которого по моему телу побежали мурашки. Из-под покрывала выскользнула рука Киры: мне сначала хотелось ее подсунуть обратно под одеяло, но я не смог удержаться: взял ее руку, сжал в своих ладонях.

Ее кожа все еще оставалась холодной, правда, уже не такой как когда я вытащил Киру из ванны. Я обернулся назад и увидел стул. Отец быстро подскочил и поставил стул возле меня, все это время он наблюдал за мной, ему было не трудно понять мои мысли. Затем отец выгнал Настю и Лику из палаты и вышел за ними следом. Мы остались с Кирой вдвоем.

Уложив свой подбородок на кровать, я поднес Кирину руку к своим губам и нежно поцеловал ее пальчики. Пальчики были тоненькие, бледные, почти просвечивались: меня мучила совесть. Во всем была моя вина, надо было послушаться отца раньше и приехать домой. Тогда бы Кира не оказалась в таком плачевном состоянии, я бы просто не позволил ей уморить себя голодом.

– Кирилл, – позвал меня Лев. Я повернул голову к двери. – Мне надо поставить капельницы Кире и сделать успокоительный укол.

– Мне уйти?

– Нет, просто решил узнать твое мнение, нужно это делать или нет, – пожал плечами Лев.

– Что за капельницы?

– Это питательные растворы, для подкормки организма, ну и укол, чтобы Кира подольше поспала и не смогла выдернуть из рук капельницы, – объяснил Лев.

– Делай то, что считаешь нужным – ты же у нас доктор, – усмехнулся я, спрятал Кирину руку под покрывало и отодвинулся от кровати вместе со стулом.

Лев минут десять устанавливал капельницы, после чего сделал укол. После укола Киру стало немного трясти, я жутко испугался и подскочил к кровати, но вскоре ее мышцы расслабились, и все улеглось.

– Что это, черт возьми, за дрянь? – раздраженно воскликнул я, мой жесткий взгляд впился в непроницаемое лицо Льва.

– Тебе лучше не знать! – чуть ухмыляясь, буркнул доктор мне в ответ.

– Позвольте, Лев Тимурович, мне самому решать что лучше, а что нет!

– Это яд, – тихо шепнул Лев. Мои брови метнулись к переносице: мне было прекрасно известно, что ни лекарства, ни яды, да практически ничего не действовало на организм семаргла или действовало, но так незначительно, точно в бочке воды ложку сахара растворить. Лев понял, что его ответ меня не удовлетворил, тяжело вздохнул и добавил:

– Это яд вампиров и оборотней.

– Ты шутишь? – изумился я. – Ей же больно!

– Только первое время, сам видел, сейчас, с Кирой все хорошо. Дело в том, что мы проводили некоторые опыты с ядом и выяснили, что если повысить концентрацию, то этот яд действует на семаргла как снотворное. Организм отключает все функции и все свои силы выбрасывает на борьбу с ядом. Так что, пока кровь не очистится от яда, Кира будет спать.

– Другого ничего придумать не могли? – возмутился я. У меня волосы на голове зашевелились, стоило мне услышать о вампирах. Одно дело, когда тебя кусают, а другое когда в кровь специально вливают яд.

– Да, я подумывал о наркотиках: кокаин, героин – но у них есть предел по дозировке, придельная концентрация не способна вызвать никакого эффекта на наш организм. На себе пробовал – лишь нос зачесался.

– Ты поэтому Киру оставил, чтобы снотворное свое проверить? – уже спокойнее спросил я.

– Да. У Киры очень сильные гены и мне думалось, что разработанное снотворное на яде вампиров не подействует, тогда я решил найти запасной вариант и прогадал.

– Извините меня за резкость, Лев Тимурович, просто я сегодня на нервах, но прошу впредь обходиться без яда.

– Ничего, Кирилл, сегодня все на нервах. А про снотворное еще поговорим, сможешь ее заставить питаться самостоятельно, а не через капельницы, тогда и не будет больше никакого яда.

Лев похлопал меня по плечу и вышел вон из палаты. Мои глаза беспокойно метнулись к Кире. Спокойная, неподвижная, бледная – словно из мрамора статуя. Я развернул свой стул

и поставил спинкой к кровати, сел на него как на лошадь. Мои руки осторожно высунули ее кисть из-под одеяла, и я снова поднес ее руку к своему лицу, уткнулся носом в мягкую ладошку.

* * *

Меня окружала холодная вода – черная, тягучая, непроглядная. В душе затаился дикий, всепоглощающий страх. Мои глаза уловили слабое оранжевое сияние. Я инстинктивно поплыл к этому свечению и вскоре увидел то, чем было вызвано это свечение. Кира широко раскрытыми горящими глазами смотрел на меня, она улыбалась. Ее тело все быстрее и быстрее погружалось в водяную бездну. Она тонула. Я стремительно плыл следом за ней, но никак не мог догнать. Мои руки тянулись к ее телу, цеплялись за ее одежду, за пальцы, но скользкая ткань все время выскальзывала из моих рук, и Кира продолжала тонуть.

Жуткая паника охватила мой разум, сердце бешено загремело в груди. Перед глазами все потемнело, только слух по-прежнему улавливал стук сердца. Я проснулся и немного рассеянно осмотрел, тускло освещенную, палату: сразу вспомнились события минувших часов. Мой взгляд метнулся к Кире. Глаза ее были закрыты, но она не спала. От разрезов глаз по вискам стекали слезы. Губы поджаты, сдержанное дыхание – все это говорило о смятении ее чувств.

Ее тоненькая ручка чуть дрожала в моих ладонях: Кира не стала убирать руку, боясь разбудить меня – мне подумалось, что ей неприятны мои прикосновения. Я горько усмехнулся и осторожно уложил ее руку под покрывало.

Мои челюсти сжались: я безумно злился на себя из-за своей растерянности. Мне так и не удалось ничего придумать, чтобы помочь Кире. Я совсем не знал, что ей говорить, если она станет спрашивать меня о чем-то.

– Зачем? – сдерживая рыдания, простонала Кира.

В этом – «Зачем?» слышалось столько боли и горя, словно вся горечь мира сосредоточилось в одном этом слове. Мне стало не по себе, горло засадило, а на лбу выступила испарина. Конечно, я сразу понял, что она подразумевала под этим вопросом. Но сказать ей правду я не мог. У меня не имелось на это право: Кира не поймет меня – только не сейчас! Мне нечего было ей сказать и, поэтому, оставалось лишь молчать.

Не дождавшись ответа, Кира чуть поерзала на кровати и широко открыла глаза. Ее голова приподнялась, и наши взгляды встретились.

– Почему вы не дали мне умереть? Зачем вы спасли меня? – спросила Кира, ее голос звучал очень тихо еле слышно, но сердито.

– Ты должна жить! – уклонился я от ответа.

– Зачем? – тихо всхлипнула Кира, и ее голова упала на подушку: бледное лицо исказилось гримасой боли, а тело затряслось от сдерживаемых рыданий.

«Снова это – зачем!» – мысленно рассердился я. Все было бы куда проще, если бы я знал что отвечать. Мне хотелось кричать, о том, что она должна жить только потому, что я люблю ее! Что она должна жить, а иначе я не смогу жить без нее в этом мире! Но я молчал – для нее мои слова и чувства не являлись стоящим аргументом...

Моя рука невольно легла на ее голову, и я стал успокаивающе поглаживать ее волосы. Мне трудно было смотреть на то, как Кира страдает, внутри все переворачивалось, к глазам подступали слезы. Я часто задышал, чтобы утихомирить свое волнение, мне не хотелось, чтобы Кира видела мои слезы – мужчине не свойственно плакать. Кира открыла глаза и минуту смотрела на меня ненавистным взглядом, скинула со своей головы мою руку и отвернулась, поджав под себя ноги.

– Кира, ты должна жить, – мягко уговаривал ее я.

– Влад умер и я вместе с ним. Без него нет больше смысла жить, – рыдая, воскликнула Кира, – Я хочу умереть, а вы не даете.

– Это не выход, – мягко возразил я. Кира повернула ко мне голову. – Ты не думала, что ты никогда не встретишься с ним там, – демонстративно показал я пальцем на потолок.

– Там нет ничего, – огрызнулась Кира.

– Думаю, что тебе бессмысленно лишать себя жизни и возможности на отмщение, – менторским голосом заявил я. У меня в голове возник грандиозная идея, чтобы Киру заставить снова жить, ей надо найти смысл своего существования. А чем – месть не повод для существования?!

– Мне это совсем не нужно, – нерешительно пробормотала Кира и украдкой посмотрела на меня. В ее глазах поселилось сомнение, и именно это мне в данный момент и было нужно.

– Не спиши с выводами – подожди, сначала представь себе, как убийца Влада получает по заслугам, – поучительно предложил я – снова «включил» преподавателя. Со мной, порой, бывало, стоило обзавестись внимательным слушателем, и я начинал вести себя и говорить как учитель.

Кира ничего не ответила, но ее лицо больше не искажалось от боли и горя. Она была немного смущена моими словами. Со смерти Влада прошел всего-навсего месяц – а как говорить – время лечит. И пусть в душе Киры глубокая пропасть, но и она когда-нибудь затянется, просто надо ей чуточку помочь и не дать упасть в эту пропасть самой...

– И, что, ты, предлагаешь? – надтреснутым голосом спросила меня Кира, немного обдумав мои слова.

– Сперва – поставить тебя на ноги! – усмехнулся я.

– А дальше? – мой слух уловил в нетерпеливом вопросе нотки любопытства. Я мысленно ликовал: Кира заинтересовалась моим предложением. И сейчас это было самым главным.

– А что мы будем делать дальше, ты узнаешь, когда наберешь свой прежний вес, – уверенно заявил я и, не оборачиваясь, зашагал к двери. Сегодня для Киры я сделал все что смог, и лучше ее оставить на некоторое время одну, чтобы она все хорошо обдумала. Теперь я был уверен в том, что с помощью жажды мести нам удастся заставить ее жить дальше. А дальше будет видно...

* * *

В коридоре, прямо у самого выхода из медицинского отделения я столкнулся с братом Киры. Сережа выглядел подавленным и вымученным, похудевшим: под глазами темные круги, щеки впали, в данный момент он практически ничем ни отличался от сестры, разница заключалась лишь в росте. Мне показалось, что он немного подрос с последней нашей встречи, сейчас он был выше меня, хотя раньше у нас был один рост – метр девяносто два.

– Здравствуйте, Кирилл Константинович, – почему-то шепотом поздоровался со мной Сергей.

– Здравствуй, Сергей – дома меня можно называть просто по имени. Не то чувствую себя стариком, – усмехнулся я. Его глаза заметались: видно было, что парень волновался за сестру, и я поспешил его успокоить: – С Кирой все хорошо.

– Да, спасибо, мне уже известно, что произошло. Сегодня ходил в патруль и пропустил все веселье, как обычно, – мрачновато пошутил Сергей, а затем добавил: – Кирилл, спасибо тебе, что спас ее, ведь она – все, что у меня осталось от семьи. Не знаю, как бы я потом жил без нее.

– Не стоит благодарности, теперь мы одна семья и для меня она, что родная, – радушно заявил я и дружески похлопал Сережу по плечу, при этом усиленно гнал из своей головы ненавистные мысли о смерти Киры.

– Она спит?

– Нет, ты можешь ее навестить, уверен, она будет рада видеть тебя, мне кажется, что на некоторое время она перестанет желать себе смерти, – с надеждой предположил я и широкими шагами зашагал к выходу. На моих губах сияла счастливая улыбка.

У лифта я взглянул на часы, следовало еще поговорить с отцом обсудить кое-какие вопросы. Два часа ночи конечно не предел для отца, но на меня внезапно навалилась такая невыносимая усталость, словно я не спал несколько недель кряду. Даже часочек дремы в палате у Кире не помог восстановить силы. И поэтому поход к отцу мне пришлось отложить и отправиться отдыхать: завтра мне нужно было выглядеть в отличной форме, перед Кирой хотелось предстать свежим, отдохнувшим и выбритым – так сказать: «в самом лучшем свете».

Я подошел к двери, ключи торчали из замочной скважины. Мою квартиру прибрали, багаж разложили, на столе стоял поднос с ужином. С величайшим наслаждением мой нос вдыхал в легкие аромат Дарьиной стряпни, в животе тут же заурчало. Как же хорошо вновь оказаться дома, в Москве, в окружении родных и близких. Скинув с себя ботинки, я мигом пошел в душ: быстро побрился, помылся и отправился в спальню, прихватив с собой из зала поднос с едой.

В спальне стояла микроволновая печь, мне пришлось ею обзавестись, когда приехала Кира. Но с завтрашнего дня она больше не понадобится. Сегодня у меня начинается определенно другая жизнь.

Печка трижды пропищала, и я достал тарелку с пловом. Божественная еда стремительно перекочевала с тарелки в пустой желудок. Меня снова потянула в сон. Я убрал пустую тарелку на пол, выключил ночник, откинулся на подушки и живо уснул.

* * *

Утром, ни свет, ни заря, меня разбудил – Linkin Park. Я резко поднялся с подушки: отвык за два месяца от своей прежней жизни и напрочь забыл, что на телевизоре стоял будильник. Включился музыкальный канал. Сегодня к моему удивлению совсем ничего не снилось, и я чувствовал себя бодро, поэтому быстро вылез из постели и протанцевал до ванной комнаты.

Душ взбодрил еще сильнее: меня всего так и распирали радостные эмоции – энергия бурлила в по всему организму. Я в полный голос подпевал Сергею Лазареву и пританцовывал под новый хит Димы Билана. Я вообще очень любил музыку, какой бы она не была, и кто бы ее ни исполнял. В гардеробной комнате, я отыскал джинсы, легкий пуловер, принес их в зал и бросил на диван. Как раз на экране пела Настя Каменских и Потап.

– Ты меня не хочешь, не хочешь, – подпевал я Насе и одновременно пытался натянуть на себя джинсы. Я поскользнулся на пульте и завалился на диван, усмехнулся и допел фразу из песни: – А ты сердце мое не разбивай на куски.

Сидя на диване, я натянул на себя джинсы и снова вскочил на ноги, стал двигаться в такт музыке: мелодия была такая заводная, что невозможно усидеть. Да и вообще сегодня со мной что-то было не так, наверное, я был немного возбужден из-за предстоящей встречи с Кирой.

Вскоре песня кончилась, началась реклама. Я переключил на другой канал, в углу телевизора показалось время: семь утра, а за окном темно, как ночью. Итак, Дарья уже давно встала и приготовила завтрак. Мне пришла в голову идея заскочить на кухню и отнести завтрак Кире.

Я выключил телевизор и вышел из квартиры. Бегом спустился вниз, боясь, что кто-то сможет меня опередить. В столовой в это время было довольнолюдно. Собрались в основном старшие, студенты обычно не завтракали: у них не хватало на это время из-за московских пробок, они и так всегда опаздывали на занятия в институт.

– Всем привет, – поприветствовал я Павла, Тимура, отца и еще десяток родственников.

– Привет, – почти хором отозвались едоки, немного удивившись моему явлению в столовую.

Отец кивнул головой и уже хотел отложить свою газету в сторону, но я объяснил, что на минутку и шустро прошмыгнул на кухню. Дарья стояла у плиты, держа в руке чайник.

– Привет, дорогая, – поздоровался я с кухаркой и поцеловал ее в мягкую щеку.

– Кирилл, ты ли это? – изумилась старая женщина, чуть не выронив из рук чайник. – Как же я давно тебя не видела, надеюсь, что ты больше не будешь прятаться от меня в своей квартире?

– Никто и не прятался, – усмехнулся я, – работа, хлопоты, понимаешь Дарья?

– Ты меня не обманывай – я все знаю, – угрюмо заявила кухарка, и я поспешил сменить тему, чтобы не нарваться на ненужные и несвоевременные упреки.

– Ты накормишь меня или будешь морить голодом?

– Конечно, – смягчилась Дарья, и на ее губах засияла улыбка, а затем она шустро для своих габаритов засуетилась и стала накладывать завтрак в тарелку.

– Дарья, скажи Кира уже ела сегодня? – сдерживая свое нетерпение, спросил я кухарку.

– Нет, я как раз Соню послала к ней, узнать, будет ли, она сегодня есть, – вымученно вздохнула Дарья и, поджав нижнюю губу, отвернулась от меня.

– Будет, обещаю, так что собери и ей завтрак, поставь все на один поднос, и я сам все отнесу.

– С огромным удовольствием, – весело воскликнула Дарья и улыбнулась: ее глаза засветились искренней радостью.

С подносом как официант я гордо шагал через столовую, чувствовал себя спортсменом несущим олимпийский огонь через весь город, и предвкушал завтрак с возлюбленной.

– Ты куда собрался? – вопрос отца остановил меня у самого выхода из столовой.

– Пойду Киру кормить, – ответил я и тихо рассмеялся.

– Надеюсь, что ты обойдешься без крайностей, – шутя, предостерег меня отец.

– Какие могут быть крайности, это же тебе ни питательный раствор, по венам свиные отбивные не прогонишь.

– С тебя станица, – поддразнил меня отец, – порой мне кажется, что ты горы свернуть можешь, если тебе это будет угодно.

Я фыркнул и зашагал дальше, в голове как раз нарисовалась картина, как я силком впикиваю в рот Киры свиные отбивные и проталкиваю их круглой картофелиной. Меня разобрал смех, и до пятого этажа все никак не удавалось успокоиться, так что к Кире в палату я ворвался с раздражающей улыбкой.

– Привет, – громко поздоровался я с угрюмой Кирой и поставил ей на колени поднос с едой, взял с него свою тарелку и плюхнулся на стул.

– Здравствуйте, – вяло поздоровалась Кира.

– Ешь! – велел я, и сам стал аппетитно закидывать вилок себе в рот картофель.

– Мне не хочется, – огрызнулась Кира. Моя вилка замерла в воздухе, а глаза метнулись к бледному и худому лицу Киры. Мне тут же захотелось воплотить свои недавние мысли в жизнь. Сегодня она казалась еще худее, чем вчера.

– Тогда, я ухожу и не стану ничего тебе рассказывать, – раздраженно заявил я и поднялся со стула.

– Это не честно, я всю ночь не спала, думала о нашем разговоре, – возмутилась Кира.

– Не честно лишать себя жизни, когда ты даже не знаешь, какую цену за нее заплатила твоя мать, – холодно возразил я.

– А ты знаешь?! – проворчала Кира, ее щеки при этом забавно порозовели.

– Знаю! – признался я, но не стал вдаваться в подробности. Одно время мне хотелось стать врачом. И Лев Тимурович протащил меня по всем хирургическим отделениям, и без родильного отделения тогда не обошлось. Не знаю, для чего он это сделал, то ли проверял

мои нервы, то ли издевался, но именно роддом стал для меня последней каплей. Я перехотел становиться врачом и поступил в другой институт.

Кира смущенно опустила голову, а я сел обратно на кресло и напомнил ей про наш вечерний уговор:

– Кира, мы с тобой договорились, поставить тебя на ноги. Как же ты сможешь отомстить Змею, если даже с кровати встать не в силах. Не думаешь же ты, что он приползет к тебе сам и скончается у твоих ног?

Кира резко подняла голову и обожгла меня своим взглядом. Мне казалось, что если бы у нее хватило сил, то она действительно прожгла бы меня своим огненным взглядом. В ответ на ее гнев я лишь улыбнулся и пожал плечами. Кира поджала губы, взяла в руку вилку и стала ковырять картошку и свиную отбивную.

Я обратно сел на стул, у меня же совсем пропал аппетит: Кира с таким отвращением ковыряла мясо и клала его в рот, что казалось у нее в тарелке лежит не свинина, а тараканы. И все же мне пришлось заставить себя съесть завтрак, не хотелось, чтобы у Кире появился повод отказаться от принесенной мной еды.

– Все! – вымученно воскликнула Кира через некоторое время, приподняла тарелку, показав, что она выполнила часть своего уговора.

– Вот и отлично, а теперь запей все это чаем, – похвалил я ее и убрал почти нетронутую тарелку на маленькую тумбочку. Кира послушно выпила чай, и ее серые глаза снова стали меня любопытно буравить.

– Я уже все съела! – сердито пробормотала Кира и поджала губы.

– Это очень замечательно! – улыбнулся я и поднялся со стула, взял свою тарелку и Киру и зашагал к выходу.

– Куда вы? – растерянно окликнула меня Кира.

– Как куда, – наиграно изумился я, медленно поворачивая свой корпус, каждое мое движение было спланировано наперед, своим невозмутимым поведением и легким пренебрежением к Кире, я хотел лишь возбудить в ней интерес. – У меня уйма дел, в отличие от некоторых мне надо идти в институт, сегодня у меня лекция на третьем курсе.

– А как же наш уговор? – нахмурилась Кира еще сильнее.

– Какой уговор? – в изумлении приподнял я левую бровь.

– Вы обещали рассказать, что мы будем делать дальше, если я буду, есть, – чуть сдерживая злобу, вскричала Кира. Меня это стало забавлять: в ее неземных глазах загорелись дьявольские огоньки. Все же это было куда лучше, чем безжизненное тело под капельницами.

– Нет, Кира, я обещал рассказать тебе только тогда, когда ты снова станешь похожа на человека, а не на приведение. Так что все в твоих руках: чем быстрее ты придешь в норму, тем быстрее узнаешь, что мы будем делать дальше, – доходчиво объяснил я, специально не говоря ей ничего конкретного.

Кире нечего было возразить против моего заявления, ведь она прекрасно помнила наш разговор. Да и я не собирался ей уступать, пока она не станет прежней Кирой, которую я увидел и полюбил, она не сможет добиться от меня ни единого слова. Конечно, моя любовь к ней не стала меньше из-за того что Кира выглядела как суповой набор, но видеть ее в таком раздавленном состоянии я не мог: мое сердце каждый раз обливалось кровью. Да и честно признаться сам еще ничего не придумал.

Глава 2

Еще целых три дня Лев Тимурович продержал Киру в палате своей мини поликлиники. Все эти дни я постоянно навещал ее и следил за тем, чтобы она хорошо питалась. Ей удалось за пол недели набрать пять килограмм, после чего Киру под мою расписку отпустили домой. Как хорошо, что все находится в одном здании, и дом, и больница, и работа, и столовая. Мы зашли с Кирой в лифт и с пятого этажа поднялись на тринадцатый. Кира по-прежнему выглядела очень подавленной, я уже и забыл, как выглядит ее улыбка и искрятся глаза.

Проводив Киру до двери ее квартиры, я немного задержался, не знал как вести себя дальше, и вообще будет ли Кира рада видеть меня своим гостем. Кира тоже молчала, она склонила голову чуть набок, отросшие за лето и осень волосы, скрыли лицо, и я не мог понять, какие чувства обуревают ее в данный момент. Неловкость момента окончательно меня вымучила, и я тихо сказал:

– Я пойду, необходимо помочь отцу.

– Да, – чуть качнула головой Кира, а затем подняла свою голову и посмотрела на меня немного напугано и чуть слышно спросила: – Мы еще увидимся, сегодня.

– Наверное, – пожал я плечами: в последнее время не хотелось ничего загадывать заранее. – Если не получится, то увидимся в институте. – Кира нахмурилась, и я немного холодно спросил: – Ты же собираешься идти в институт?

– Да, да, конечно! – немного неуверенно ответила Кира и заторопилась уйти.

– До встречи, – мягко попрощался я и зашагал к лифту. Лифт остановился, но я не стал уезжать. Двери закрылись, и лифт поехал дальше бороздить лифтовую шахту небоскреба.

До моего слуха тут же донеслось отчаянное рыдание Киры. Чуть позже послышался громкий грохот мебели, битого стекла. Я прекрасно слышал, как душевная боль вырывалась тихими стонами из ее груди. Вскоре грохот утих; послышалось, как Кира завалилась на кровать. Я медленно разжал свои кулаки и посмотрел на закрытую дверь, каким образом я очутился у нее, оставалось загадкой. С трудом удалось удержать себя, чтобы не вломиться к ней в квартиру и не стать успокаивать и жалеть ее. Все это только бы усложнило наши отношения, а быть может и разрушило. Сейчас Кире лучше всего было побыть одной, выпустить свою боль наружу.

Развернувшись на каблуках, я тихо почти беззвучно зашагал к лестнице и поднялся к себе в квартиру. Через два часа предстояло идти патрулировать город: хотелось чуть передохнуть, ведь с утра у меня была намечена лекция в институте.

Будильник разбудил в половину третьего ночи. Надев свою форму, я отправился вниз на первый этаж. После битвы, диспетчерскому центру пришлось немного изменить график и маршруты патрулей, некоторые места пришлось вообще оставить без наблюдения. Хранители нашей семьи могли обеспечить защиту пока только московской области, хотя раньше мы умудрялись патрулировать еще и прилегающие области: Калужскую, Волгоградскую, Тульскую. В основном этим занимались рароги, им было куда проще преодолевать огромные расстояния, нежели семарглам...

Оказавшись на первом этаже, я достал ключ, открыл дверь служебного коридора. Из глубины комнат послышались голоса и тихий смех. Дверь в диспетчерский центр, где у нас располагались все компьютеры и навигационные станции, была приоткрыта. Издалека слышался голос отца и Арсения – моего старшего брата. Я неторопливо вошел внутрь и увидел еще одного человека.

– Кирилл! – радостно воскликнул Андрей и бросился ко мне навстречу, обнял меня своими медвежьими ручищами и похлопал по спине. – Как же все-таки мы давно с тобой не виделись, дружище!

– Это точно, – прохрипел я: старый друг детства сжал меня так крепко, что заскрипели все кости на моем теле, и я уже был готов выплюнуть свой желудок на пол.

С Андреем мы не виделись целый год, он приходился Тимуру внуком, а Льву Тимуровичу сыном, на целый год он уезжал в Лондон на практику. Как и отец, Андрей был доктором, в отличие от меня, он ничуть не боялся ни смерти, ни крови, ни родовых отделений и поступил в медицинский институт, а теперь защищал ординатуру. Андрей был моим ровесником и, не смотря на то, что его мать была женщиной, он был очень сильным и огромным: два метра роста и килограмм сто двадцать живого веса.

– Как дела, Кирюша? – усмехнулся Андрей и наконец-таки разжал свои железные объятия, подал свою руку для пожатия. Так меня называла только мама, няня да Андрей – привычка с детства.

– Все отлично, – уклончиво ответил я, и мой рот непроизвольно растянулся в улыбке. Возвращение старого друга меня очень обрадовало. По сути, я был замкнутым человеком, и близких друзей кроме Андрея у меня вообще не имелось, даже с братьями у нас никогда не было таких доверительных и открытых отношений как с Андреем. Все они были старше меня на много-много лет, а некоторые и столетий, да и родными мы с ними были всего на половину – матери у нас были разные.

– А брат говорит, что ты тут не скучал и девушку себе нашел?! – громко рассмеялся Андрей и хлопнул меня по плечу, я чуть согнулся от его удара. – Ну, давай рассказывай – это определенно какая-нибудь Анжелика или Кристина, ты же у нас любишь экзотику.

Мой взгляд недовольно прошелся по лицам отца и брата. Арсений усмехнулся и отвернулся к компьютерным мониторам. Отец иронично поджал губы, тихо хмыкнул и зашагал к выходу, правда, напоследок все-таки подбавил масла в огонь:

– Кирилл, как там поживает наша Кира?

– Все отлично, она снова разнесла всю комнату в хлам, так что тебе опять придется раскошелиться, – сердито огрызнулся я: никогда не любил когда кто-нибудь лез в мои дела, и тем более в мою жизнь.

– Ничего, – съязвил отец, – это приятные хлопоты, мне для Кирочки ничего не жалко – пусть тешится, моя хорошая!

Я закатил свои глаза к потолку, отца ничем не пронять. Он и без этого боготворил ее, а после того как она спасла ему жизнь, стал совсем ручным пуделем. Меня это немного угнетало, а если честно признаться то я сильно ревновал Киру даже к своему отцу, так как к нему она относилась лучше, чем ко мне и еще она его любила. Меня же она терпеть не могла, и от этого мои шансы на ее завоевание ровнялись нулю.

– Кира! – весело воскликнул Андрей, и на мое плечо опустилась его тяжелая рука, я инстинктивно сжался, ожидая очередного дружеского похлопывания. Хлопать меня он не стал, лишь сжал плечо и дружески поддразнил:– Ты никогда не отступаешь от своих принципов, друг! Это тоже очень экзотическое имя. Когда ты нас познакомишь?

– Ты пойдешь со мной в патруль? – сходу перевел я разговор на другую тему. Время и так поджимало: не хотелось опаздывать сегодня в институт на лекции, а периметр патрулируемого участка с нынешних пор увеличился вдвое, и я не знал, успею ли его весь обследовать.

– А ты расскажешь мне о Кире? – вопросом на вопрос ответил друг.

– Расскажу, – пообещал я другу и зашагал к диспетчеру.

Назар приходился Захару сыном, еще одного нашего старейшины, он, как и Андрей, был полукровкой, хотя тоже был очень крепким и сильным хранителем, но в свои триста лет уже выглядел как мой отец. Та же участь ждала и Андрея – их «век» в отличие от истинных семарглов был короток. Именно поэтому для семьи были важны волчицы.

– Назар Захарович, – обратился я к диспетчеру. – Отзовите Севлада и Юлиана, сегодня со мной в патруль пойдет Андрей.

Назар бросил свой немного недовольный взгляд и кивнул головой. Из-за моей прихоти ему снова придется переделывать весь график, но, ни смотря на свое неудовольствие, он никогда не станет возражать по поводу моего решения. Истинные семарглы в нашей семье были, что офицеры в армии, для других семарглов наша воля, что приказ для рядового. Даже если я сейчас прикажу своему другу раздеться догола и пробежаться по Беговой улице, он выполнит мой приказ...

– Ну что идем, – нетерпеливо окликнул меня друг, и я прекрасно понимал, в чем заключается его нетерпение. Уверен, Андрею отец и Арсений все уши прожужжали о Кире. Как же тут не проснутся любопытству – красавица волчица. Я на миг прикрыл глаза, и передо мной появилось любимое лицо: ее серые пепельные глаза возбужденно блеснули; ее красные сочные губы так и манили их отведать, а когда она улыбалась, мое сердце то тихо вздрагивало в груди, то замирало...

– Ну, так что? Мы идем или нет.

Я небрежно тряхнул головой, отгоняя от себя видения, и напомнил другу:

– Ты форму хоть одень!

– Так сойдет, – отмахнулся Андрей, обхватил меня своей громадной ручищей за шею, и мы зашагали к гаражу.

Подземный гараж нашего небоскреба состоял из пяти ярусов, там имелось небольшое служебное помещение, где находилось обмундирование постовых и патрульных, а все остальное отводилось под стояночные места для автомобилей членов семьи и служебного транспорта. В небольшом закутке мы свернули к каптерке. Я своим ключом-картой открыл дверь, и мы прошли внутрь. В небольшом помещении с многочисленными полками сидел дежурный. Кивком головы он поприветствовал нас и чуть слышно, почти одними губами, спросил:

– Хранитель никогда не дремлет?

– Огонь в груди мешает ему спать? – в такт ответил я парню, и тот протянул мне монетку. Я взял в руку замысловатый ключ и прошел в следующее помещение, где находились вещевые шкафчики. Андрей остался снаружи: без своего ключа в каптерку заходить было нельзя. Не смотря на то, что в своей семье все друг друга знали в лицо, мы продолжали блюсти заведенные обычаи, ну а пароль служил мерой предосторожности. Этот же пароль был первой строчкой из старинной баллады, которая дошла до нас благодаря моему деду.

Когда я был совсем маленьким, он часто пел мне ее, и я знал балладу наизусть, но сейчас помнил лишь первый куплет:

«Хранитель никогда не дремлет: огонь в груди мешает ему спать.

И даже на краю вселенной, его никто не сможет обуздать!

Огонь в груди зажегли нам сами боги, и жажду к свету «темным» не унять!

Мы истребим отродье злого бога, мы присланы живых в мир охранять!»

Сердце чуть защемило в груди: вспомнился дед. Он был немного старше отца лет на пятьдесят. Мы постоянно с ним были вместе. В детстве я любил его больше чем отца, и, когда его не стало, то очень на него обиделся. Сейчас мои обиды казались смешными – детскими.

Помню: пообещал, что никогда не буду ходить к нему на могилу и, что порву все его фотографии. Я так и сделал, а потом сильно жалел и две ночи со слезами на глазах клеил фотографии, ведь порвал их на мелкие кусочки. Самое ужасное во всем нашем существовании это то, что мы бессмертны, и все горести и утраты мы будем нести с собой всю долгую жизнь. Только в отличие от людей: за долгие столетия на наши души выпадает больше утрат и потерь, обычному человеку, наверное, столько не вытерпеть...

Я прижал круглый ключ к своему шкафчику: электронный замок издал тихий свист и дверь отворилась. Из шкафчика достал: бушлат и ватники, кирзовые сапоги и автомат. А еще прихватил пистолет для Андрея, хотя для «темных» это что детский водный пистолет. Эти черти боялись больше всего огня, но патрулировать улицы с огнеметами мы не могли.

Шустро облачившись в обмундирование и перекинув через плечо автомат, я вышел к Андрею, и мы вместе отправились к стоянке служебного транспорта. Сегодня мы выбрали «Ниву» – русский агрегат, на фоне новеньких иномарок выглядел очень жутко, тем более что и качеством не отличался. Но нам ничего не оставалось делать: для конспирации отечественный «автопром» подходил куда лучше, чем иномарки.

– Может, лучше на моей машине поедem? – скривился Андрей и чуть задержался у машины.

– Нет, твой Феррари уж точно не подойдет, прости, но люди не поймут – завтра же впечатлительные граждане отправятся пополнять ряды ППС.

– Да, это точно, – согласился со мной друг. И громко рассмеялся.

Машина завелась с пол-оборота, разогревать ее я не стал и сразу поехал: мы и так чересчур запозднились. Сегодня нам предстояло патрулировать Дзержинский район. Туда же входила и вся территория нашего семейного института. Так что машину мы оставили на парковке учебного заведения.

Я вышел из машины и немного поежился холодный ветер обжог лицо. На улице было десять градусов мороза эта небольшая температура, но из-за повышенной сырости, которая всегда была в городах, холод ощущался сильнее. Андрей тоже вылез из машины, при этом громко захлопнул дверь. Я бросил на него сердитый взгляд, и друг виновато пожал плечами.

Покинув территорию института, мы разделились чтобы быстрее обследовать заданный нами квадрат. Встретились мы с Андреем у станции метро Шипиловская. На улице было в это время почти безлюдно: изредка, где встречались случайные прохожие да слегка подвыпившие подростки.

– Ну, что у тебя? – окликнул я друга.

– Да так, ничего – все тихо, правда, кое-что показалось мне странным, – немного озадаченно пробормотал Андрей.

– Что именно? – потребовал я от друга объяснений. В связи с недавними событиями для нас каждая мелочь была важной.

– К югу от института, показалось, что я видел волков.

– Каких волков? – насторожился я. Определенно это были не оборотни, если бы это было так, то Андрей сказал, что видел оборотней.

– Каких-каких! Наших! И еще почувствовал присутствие рогов. Не знаю, может быть, у них проходили занятия на полигоне – я не принимался. Мне тогда это показалось нормальным. Ведь я давно уже никого не видел из них...

– Пойдем, покажешь, где видел их, – попросил я друга, и мы зашагали к институту. Все это определенно выглядело необычно – странно.

В районе института после занятий обычно оставались только преподаватели, ну и смена диспетчерского центра института. В этот миг перед нами выбежала женщина, она бросила на нас испуганный взгляд и продолжила бежать дальше, через дорогу, через всю проезжую часть, к ее удаче, та была практически пустой. Следом за ней бросились бежать мужчины, они тоже выскочили из подворотни. Искоса бросив на нас взгляды и помчались дальше.

До моего слуха отчетливо доносился грохот, бешено колотящегося, сердца девушки. Мои глаза снова метнулись к ее фигуре. Девушка обернулась и, увидев мчащихся за ней мужчин, ускорила свой шаг. Сомнений, что девушка убегает именно от этих мужчин, не было. Не раздумывая, я бросился к девушке: один из бугаев почти догнал ее и вцепился рукой в сумку. Как молния я пересек проезжую часть и оказался между девушкой и мужчиной.

– Отпусти девушку! – угрожающе прошипел я. У девушки уже началась истерика, и она тихо всхлипывала, а еще она дрожала, не знаю от чего больше, толи от холода, толи от страха.

– Проваливай, пока я тебе все ребра не переломал, – зло воскликнул он и опалил меня ненавистным взглядом. Рядом с ним стоял его товарищ и мне кажется, что именно из-за него он чувствовал себя так уверенно.

– Скорее ты руки себе переломаешь, – фыркнул я и ловко вывернул его запястье, ему же за спину. Мужчина взвыл и принялся ругаться матом, его товарищ бросился на меня с ножом, но Андрей вовремя отвесил ему увесистую оплеуху, и тот ничком завалился на тротуар. Девушка тихо взвизгнула и присела на корточки, голову прикрыла руками. Вся эта картина заставила меня горько усмехнуться. Только в нашей стране человек мог бояться того, кто его спас. Недаром юмористы сочиняют об этом столько анекдотов.

Я выдернул из рук хулигана маленькую сумочку и подsunул ее девушке под нос. Та оторопело на меня посмотрела, осторожно взяла в руки свою сумку и выпрямилась.

– Спасибо, – охрипшим от испуга голосом поблагодарила нас девушка, – Ну, я пойду?

– Нет, – мягко ответил я и залез в карман, достал телефон. Набрал номер диспетчерского центра и велел Назару вызвать к метро Красногвардейская наряд полиции. Диспетчер принял сигнал и отключился.

– Кирилл, зачем тебе все это? – немного раздраженно спросил Андрей. В этот момент он сидел на корточках и выворачивал руки другому мужчине. – Сейчас нам придется ехать в полицейский участок, давать показания, подписывать рапорта. Это волокита затянется на неопределенное время.

– Да, да, – тихо пискнула девушка, и мои сердитые глаза метнулись к ее лицу. – Мне тоже все это не к чему. Мне не хочется ехать в полицию, я хочу домой.

– Но без твоих показаний этих подонков никто не сможет привлечь к ответственности, – сдерживая ярость, как можно мягче объяснил я.

– Их и с показаниями никто не привлечет к ответственности, – запальчиво возразила девушка, и ее испуганный взгляд метнулся к двум скрученным мужчинам. – Давайте их отпустим и отправимся по домам.

– Ага! давайте нас отпустим, – хрипло прокричал второй мужчина, которого удерживал Андрей.

– Молчи, зараза! – приказал Андрей своему подопечному и мокнул его лицом в мягкий сугроб. – Еще успеешь наговориться – у полиции работа такая – допрашивать. Им за это деньги платят, чтоб, таких как ты, подонков выслушивать.

– Но у меня действительно нет времени сидеть в полиции, – растерянно заявила девушка.

– Тогда, объясни мне, зачем мы тебе сейчас помогали, надо было просто пройти мимо? – горько усмехнулся я и чуть ослабил свою хватку: мужчина, которого я удерживал, почувствовал это и стал вырываться. Девушка испуганно шарахнулась назад. Ее реакция меня не удивила, бездушные человечки всегда думали только о своей жизни, хотя не всегда было так...

Я вновь вывернул грабителю руку и поддал ногой под колено, чтоб тот перестал дергаться и уgomонился, а затем сквозь зубы обратился к девушке:

– Теперь с тобой все хорошо, и я не удивлюсь тому, что ты очень была рада, что тебе пришли на выручку. Но прежде чем что-то решить, представь себе другую картину. Если мы отпустим этих грабителей сейчас, то они снова начнут заниматься грабежами. Поверь, настанет момент, когда они перейдут черту, начнут убивать и насилловать. И вот такая же, как ты, обычная девушка будет возвращаться вечером домой, и грабители на нее нападут, но нас поблизости не окажется. Ты представляешь, что они могут с ней сделать?

– Нет, – тихо крикнула девушка, ее глаза чуть округлились, а лоб прочертили три морщинки. Мне понравилась реакция девушки, и я хотел верить, что не без толку здесь расписался.

Вскоре к тротуару подъехала патрульная машина. Полицейские без особого удовольствия выбрались из «уазика» демонстративно ежась от холода. Увидев в моих руках автомат, сразу навели на меня свои орудия.

– Опустите оружие! – велел мне один из полицейских.

Медленно как только мог я опустил автомат на землю, но руку преступника не отпусти.

– Предъявите ваши документы, и разрешение на оружие.

– Вот, – протянул я полицейскому удостоверение частного охранного агентства. – Я являюсь сотрудником охраны. Мы выезжали на ложный вызов и тут случайно наткнулись на этих негодяев. Они пристали к девушке.

Полицейский внимательно ознакомился с удостоверением и вернул мне его обратно. Вкратце я рассказал сотрудникам полиции о случившемся происшествии. После чего они одели преступникам наручники и посадили в машину. Через десять минут мы все оказались в отделении УВД Дзержинского района. Дежурный следователь предпочел опросить сначала непосредственного пострадавшего. И теперь мы с Андреем сидели в коридоре и ждали своей очереди.

– Что вы делали в четыре утра на улице? – немного безразлично спросил следователь девушку. Мне тоже было любопытно узнать ответ на этот вопрос. Мой острый слух улавливал каждый звук, доносившейся, из кабинета следователя. Я даже мог слышать, как девушка нервно постукивает ноготками по деревянной поверхности стола.

– Я шла домой! – возмущенно ответила девушка.

– Почему так поздно? Вам же не десять лет и вы прекрасно осведомлены, что по ночам опасно ходить по городу, тем более в одиночестве. Да и, в конце концов, можно было вызвать такси.

– На такси денег не нашлось. И поверьте, если бы у меня был выбор, то я домой поехала утром, – тон девушки стал еще раздражительнее.

– И все же, почему вы, зная как опасно на улице, так поздно отправились домой, тем более, что даже метро и общественный транспорт в это время еще не работает?

– Я же говорю, у меня не было выбора. Вечером я поругалась со своим женихом, с которым до нынешнего момента жила в одной квартире. Он выгнал меня из дома. Сначала я хотела позвонить родителям, но их не оказалось на месте. Тогда я решила в подъезде дожидаться пяти утра и отправиться в метро.

– Почему не дождались? – перебил девушку следователь.

Я повернулся к Андрею, тот тоже с любопытством вслушивался в разговор, доносившийся, из-за двери кабинета.

– Квартира моего парня находится на шестом этаже. Я спокойно сидела на ступенях пятого этажа и дожидалась утра, когда с верхнего этажа послышались тихие мужские голоса. Мне стало страшно, и я спряталась за трубу мусоропровода. Но мужчины так и не спустились, из чего я сделала вывод, что они ушли. Тогда я выбралась из-за трубы. В этот момент у меня из рук выпала сумка, а на ней железная пряжка громко ударилась об бетонный пол. Тут же сверху послышались торопливые шаги. Ну, я испугалась и бросилась бежать вниз.

На крыльце дома одному удалось меня нагнать, но тот поскользнулся на льду и выпустил мою куртку. Мне удалось вырваться, и я побежала на проспект, надеясь, что случайный прохожий спугнет их, и они перестанут меня преследовать.

– Видимо, ваши надежды не оправдались?! – иронично пробормотал следователь. И что-то записал на бумаге. Во время всего допроса он постоянно что-то записывал, мне было хорошо слышно, как шариковая ручка катается по бумаге.

– Почему же? – хмыкнула девушка. – Ведь мне все-таки помогли.

– Да, это точно! Если бы эти мужчины не оказались на вашем пути, то в сводках нашего района, появился бы еще один труп! – сурово заявил следователь, а затем стал лазить по ящикам своего стола.

– Вы так думаете? – ужаснулась девушка.

– Не сомневаюсь, – заверил девушку полицейский и уже менее уверенно добавил, – До вашего звонка, нам позвонили в отделение и сообщили, что именно в вашем доме было совершено проникновение в квартиру. Думаю, что нападение на вас и это связано. Вы, сами того не желая, спугнули воришек. Уверен, если бы вы не на шумели в подъезде, то вас вообще никто не стал преследовать. Воры подумали, что вы их засекли и решили избавиться от свидетеля.

Еще где-то с получаса следователь допрашивал девушку, заостряя свое внимание на каждой детали.

– Ну, и дотошный, – проворчал Андрей. Я искоса посмотрел на него и усмехнулся. – Надеюсь, что нас он не станет так дотошно расспрашивать. Не люблю всю эту пустую болтовню.

– Я тоже на это надеюсь, – согласился я с другом и взглянул на часы. Через полтора часа начинались занятия в институте, и мне очень не хотелось их пропустить. Занятие должно было проходить у первокурсников.

– Впредь, будьте осторожны! – предостерег девушку следователь, когда девушка стала выходить из кабинета.

– Постараюсь, – пообещала она в ответ, и ее взгляд задержался на нас: минуту она смотрела прямо на меня, а затем сделала глубокий вдох и быстро забормотала: – Большое вам спасибо за то, что выручили меня.

– Пожалуйста, – коротко кивнул я головой, хотя мне тоже хотелось прочитать ей целую лекцию об опасностях, таящихся на наших улицах, и попросить ее быть впредь более осмотрительней при выборе женихов, которые посреди ночи выгоняют своих подруг.

Следователь из кабинета громко прокричал наши с Андреем имена, и нам пришлось войти в кабинет. Когда в десятый раз я повторил, то, что уже рассказала девушка, у меня иссякло терпение. На помощь к следователю пришел участковый, с которым мы были отлично знакомы. Он случайно заскочил в кабинет дежурного следователя и, когда заметил меня, то радостно поздоровался.

– Здравствуйте, Кирилл Константинович.

– Доброе утро, Олег Петрович, – устало поздоровался я.

– Неужели это вы обезвредили этих воров? – изумился участковый. И я понимал его изумление. Ведь для него я всего-навсего был молодым, на первый взгляд, хлипким учителем истории, хотя, когда его взгляд обратился к Андрею, то его изумление пропало тут же.

– Это мой друг доктор, Андрей Львович, – осмотрительно представил я Андрея. Знание человеческого статуса, помогало людям делать быстрые выводы и чаще всего хорошие.

– Приятно познакомиться, – признался участковый и протянул Андрею руку для дружеского рукопожатия.

– Давно сидите? – усмехнулся Олег Петрович и посмотрел на следователя.

Все это время следователь с легким недоумением наблюдал за нашей дружеской беседой.

– Достаточно, – сухо ответил я и тоже посмотрел на следователя, который уже начинал меня раздражать.

– Виктор Федорович, кончай их мучить, это добропорядочные граждане и очень занятые люди. Я могу поручиться за них, так что заканчивай свой допрос.

– Я уже закончил, – буркнул Виктор Петрович и, поднявшись из-за стола, собрал в стопку бланки допроса, и, постучав ими о стол, сообщил нам: – Допрос закончен, вы можете быть свободны, но если нам потребуются еще сведения, то вас вызовут по повестке.

– До свидания, – попрощались одновременно мы с Андреем с Полицейскими, и вышли из кабинета.

– Чего это ты с ними так любезен? – тихо процедил следователь, когда дверь за нами закрылась.

– Кирилл Константинович – хороший молодой человек, и к тому же его отец очень богат и влиятелен, они вместе оказывают спонсорскую поддержку нашему интернату, а недавно открыли бесплатный, юношеский, спортивный клуб для детей и подростков. У меня нет причин с ним любезничать, просто я действительно уважаю его, так как из-за его помощи на моем участке сократилась детская преступность вдвое.

Заявления участкового меня смутило, хотя благотворительностью занимался не только я и отец, вся наша семья старалась по возможности помогать детям. Лика и Настя, например, организовали денежный фонд для поддержки умственно-отсталых детей и детей-инвалидов, они каждую неделю проводили всевозможные конкурсы по детским домам и интернатам. Лев Тимурович и Андрей, в клиниках, в которых работали, совмещая свою необычную жизнь, проводили детские бесплатные операции. Каждый из нашей семьи старался внести свою лепту в помощь людям, и все же между собой мы старались не затрагивать этой болезненной темы. Мы сочувствовали людям – ведь в отличие от них мы не были подвержены никаким болезням и неизлечимым заболеваниям, даже те болезни, которые мы успевали получить до перерождения – в итоге излечивались...

В институт я приехал с не большим опозданием. Андрей отправился домой на метро отсыпаться. В своем кабинете я быстренько переоделся и отправился на лекцию. Мне не терпелось увидеть Киру, правда у меня были сомнения в том, что она придет сегодня в институт. Я открыл дверь в аудиторию и, не спеша, зашел. Шумно галдевшие студенты бросились враспынную и, когда я подошел к своему столу, мигом расселись по своим местам.

Мои глаза метнулись к первой парте, где обычно сидела Кира: на месте ее не было, но знакомый сладкий, абрикосовый аромат, смешанный с запахом ее тела, тут же ударил в нос. Я вскользь окинул всех присутствующих и с трудом сдержал вздох облегчения, когда увидел Киру вместе с братом на самом последнем ряду. Мое сердце бешено заколотилось...

– Доброе утро, – поздоровался я и повернулся лицом к экрану, чтобы скрыть от всех свою счастливую улыбку; схватил пульт и включил экран. – Сегодня мы познакомимся с пантеоном древнеславянских богов.

Я наклонился к своему портфелю и достал из бокового кармана диск со слайдами, вставил его в дисковод и загрузил программу. Мое волнение немного улеглось, но сдерживать улыбку по-прежнему было трудно. Радовал тот факт, что Кира вновь пытается жить нормальной жизнью. Это вселяло в меня маленькие надежды о нашем совместном будущем. Нет! конечно я не питал никаких иллюзий и не считал, что Кира сможет полюбить меня. Я просто об этом мечтал и надеялся. Хотя еще очень был далек от этого момента, а иногда думал, что Кира вообще меня никогда не полюбит – эти мысли всеми силами пытался гнать от себя.

Мне приятней было представлять ее в своих объятьях, ловить на себе ее восторженные взгляды... даже сейчас я не знал, как Кира ко мне относится, а еще недавно я был уверен в том, что она меня терпеть не может. Чего только стоил ее ненавистный взгляд в последнюю нашу встречу перед моим уездом в Кемерово. Тогда я заставил ее плакать, и от этого было еще горче на душе. Нет, больше этого никогда не повториться – Кира никогда больше не станет плакать из-за меня...

Мои глаза невольно взглянули на Киру: она с любопытством смотрела на экран и ждала продолжения. Мой взгляд скользнул по ее отросшим волосам, по серым сияющим глазам, скользнул к алым губам, я отчетливо слышал ее размеренное дыхание. В горле все пересохло, а в голове рисовались мои невероятные фантазии.

Кто-то из студентов кашлянул, я тряхнул головой, надеясь, что это было всего случайно, а не тонким намеком на то, что мне следует продолжить урок. Присутствие Киры всегда меня волновало и заставляло рисовать в голове немислимые образы. И чтобы впредь не становиться объектом ненужных разговоров и мыслей, я заставил себя больше не смотреть на Киру.

– Древние славяне считали, что сначала был всего один бог – Всевышний, – чуть нараспев начал я рассказывать тему сегодняшнего занятия. – Он создал мир и Рода – бога отца всех последующих богов, которым поклонялись наши предки. Бог Род родил, а если быть точнее то создал таких богов как Сварог – небесного бога, Велеса – бога земледелия, бога смерти, его еще принято считать Чернобогом и одна из его ипостаси и есть Змей. Также сыном Рода был Хорос – бог солнца и Стрибог – верховный царь ветров. Спустя столетия эти боги стали забываться людьми и на их смену пришли их дети и потомки. К ним мы относим великих богов Сварожичей – детей бога неба: Дажьбог – бог солнца, Пирун – бог грома, Семаргл – бог огня и огненных стихий, Марена – богиня зимы, холода. У Сварога были и менее известные дети как Азовица, Лель, Леля, Жива и много других детей, отвечающих за незначительные явления природы, оказывающие влияния на человеческие жизни. Так же люди поклонялись и другим богам, которые отвечали за их личностные отношения: любовь, ненависть, ревность, нежность – у всего имелся, покровительствующий то или иное событие, бог или богиня.

Бог ветров с богиней Немизой подарили людям четырех сыновей: Подага, Погода, Позвизда и Провея – эти маленькие божки отвечали за стихии ветров. Мокошь – богиня земли, мать всего живого, со своим супругом Велесом произвели на свет сына – Ярило – бога весеннего солнца. До сих пор, нет точных мнений о его истинной принадлежности к добру или к злу. Это яростный бог, мог творить, как добро, так и зло, в принципе, как и все другие боги славян. Именно поэтому у славян боги никогда не разделялись на добрых и злых...

Я ненадолго замолчал и повернулся к экрану: слайд за слайдом сменялись изображения богов. Мне всегда было интересно, правда ли то, что я сейчас объясняю студентам или нет. На этот вопрос мне никто никогда не даст ответ, меня всегда это очень интересовало, и именно поэтому я поступил в институт МИФЛИ – Московский институт истории, философии и литературы.

Мои глаза снова метнулись к Кире, хотя я с трудом боролся с желанием на нее посмотреть. Ее глаза с восторгом рассматривали слайды. Да и вообще все студенты всегда с огромным интересом слушали мои лекции. Это и не удивительно, ведь наша жизнь была связана со всеми этими легендами и богами. Невероятное и необъяснимое – всегда вызывало повышенный интерес.

Мне снова пришлось повернуться к монитору: перед глазами появилось изображение одного сворожича. Я нажал на пульте паузу и продолжил свое повествование:

– Здесь, на картине, все вы видите Дажьбога, а богиня судьбы Марена была его женой, считается, что их сын Богумир со своей супругой Славуньей стали родителями людей – славян. У нашего же праотца тоже были дети-боги, но в детстве их разделили, наверное, все вы слышали легенду о Костроме и Купале? – обратился я с вопросом к студентам.

– Нет! – послышался хор голосов.

– Расскажите нам эту историю? – возбужденно воскликнула Лена, и на ее лице засияла лукавая улыбка.

Я сделал вид, что не заметил ее страстных «стрел», которые она усиленно пускала в меня своими глазами. Близняшки были очень симпатичными, но не более того. Хотя, одна из сестер не раз намекала о своих чувствах ко мне. Даже пару раз приглашала на свидание, но я отказывал. Во-первых: это претило семейным традициям, а во-вторых: я предпочитал девушек другого сорта: мне всегда казалось, что девушка должна выглядеть женственно, а не как гладиатор Цезаря...

– Давным-давно, еще до появления нашего рода у бога Семаргла родились близнецы Купала и Кострома – брат и сестра, – начал я свой рассказ, – и, когда дети немного подросли, отправились они на луг послушать песнь Сирина. Птица, приносящая весть о смерти, похитила Купала и унесла его в подземное царство.

Прошло много лет, повзрослевшая Кострома, прогуливаясь однажды у реки, сплела венок из цветов. Поднявшийся внезапно сильный ветер сорвал его и бросил в воду. В это время на лодке по реке проплывал Купала, он выловил венок из воды и увидел Кострому. Не влюбиться в прелестную красавицу было не возможно, да и Купала не уступал красотой своей сестре. Не зная, что они родные брат и сестра, Купала и Кострома полюбили друг друга и поженились...

Возмущенные вздохи прокатились волной по аудитории.

– В этом нет ничего заурядного, – усмехнулась Светлана, – как мне известно, среди богов кровосмешение не очень-то осуждалось.

– Да, не скажите, – поспешил разочаровать я девушку, – Узнав о том, что Купала и Кострома брат и сестра – возлюбленные убили себя: они бросились в реку и утонули. – В классе повисла тишина, и мне показалось, что студенты ожидали менее трагический исход героев легенды.

– Ну, как они могли умереть? Ведь они боги! – возмутилась Елена.

– На этот вопрос я не смогу вам ответить, так как и сам, не знаю, правдива ли вообще эта притча, – пожал я плечами.

– И это – вся история? – фыркнула Светлана.

– Нет, – усмехнулся я, – Легенды твердят о том, что боги сжалились над влюбленными и превратили их в прелестный цветок Иван-да-Марья, вы, наверное, все видели его – два контрастных цветка: сиреневый и желтый, сросшиеся вместе...

Прозвенел звонок, оборвав меня на последнем слове, я мигом собрал свои вещи и быстро направился к выходу, совсем не хотелось отвечать на всевозможные, бестолковые вопросы, возникшие в голове студентов после прослушивания драматической легенды о богах. Вся эта болтовня могла затянуться на неопределенное время, а я еще надеялся сходить на полигон, выяснит, что там произошло.

Рассказ Андрея до сих пор не давал мне покоя. Но больше всего я боялся открытого разговора с Кирой: близился час окончания нашего договора, по которому я обещал ей помочь убить Змея. Убить бога казалось для меня невыполнимым желанием, хоть он был и злым богом. И все же я никак не мог поверить в то, что даже пресловутый меч дракона способен отнять жизнь у такого сильного и могущественного бога как Змея – правителя «Нави»...

У двери я немного задержался, посмотрел на последний ряд кресел. Глаза наши встретились: сердце мое аж подпрыгнуло от неожиданности в груди, правда, Кира отвернулась первой, и я поспешил покинуть аудиторию. Вернувшись в свой кабинет, я накинул теплую куртку, натянул на голову вязаную шапку и отправился на улицу.

Полигон располагался в двух километрах от института. Это был обыкновенный овраг с плоским дном размером в один гектар и глубиной в полтора метра. Снег лежал повсюду и лишь в овраге его не было. Вся земля была исполосована грязными полосами, дырами. Над всем этим завис ели уловимый запах тел рогов и семарглов, точно у них действительно вчера проходили здесь какие-то учения. Но я точно знал, что вчера никаких учений здесь не могло и не должно быть. Все это казалось очень любопытным, немного загадочным, и я, на всякий случай, решил уточнить в деканате расписание тренировок на полигоне.

Вскоре выяснилось, что никто ничего не слышал и не знал; вчера у всех студентов, как и обычно, был выходной. В навигационном центре тоже никто ничего не знал, и это казалось еще более странным, так как они просто не могли ни заметить вчера на территории хранителей.

И все же главный диспетчер сегодняшней смены предоставил мне вчерашний рапорт о дежурстве, в котором и строчки не было, и не одного упоминания о чем-либо подозрительном.

Время пролетело очень быстро, наступил последний урок, у меня предстояла лекция на четвертом курсе, и я без особого желания отправился к старшекурсникам. Мне уже нечего было им рассказывать: они знали практически все – приходилось последние темы лекций высасывать из пальцев. Радовало то, что мой предмет шел у них последнее полугодие, и после нового года я собирался с ними распрощаться.

* * *

Всю неделю я всячески избегал встречаться с Кирой лично. Мне хватало с ней встреч во сне: с каждым днем все труднее было находиться рядом и сдерживать свои желания, навеянные моими фантастическими сновидениями. Тем более что я все еще ничего не смог придумать вразумительного: голова была забита всякими мыслями и ни одной идеи по поводу реализации ее мести.

Ближе к выходным ударили первые морозы, и вампиры с оборотнями вышли на охоту. К полуночи пятницы в центр безопасности поступило два новых сообщения о странных убийствах. Обескровленные, изуродованные и замерзшие трупы обнаружили на окраинах двух деревень Московской области. Медэкспертиза объясняла их смерти как чистая случайность: все они стали жертвами оголодавших волков. Но мы-то знали, что это было не так. Отец отправил в деревни две спецгруппы отыскать следы «темных», но сильный снегопад сбил поисковый отряд со следа, и наши поиски ни к чему толковому так и не привели.

А теперь я сидел на восьмом этаже в библиотеке и готовил доклад к предстоящей лекции для четвертого курса. В прошлый раз они меня немного посрамили своими вопросами, хоть и деликатно, но все же... поэтому мне хотелось не допустить подобного на предстоящем занятии, пусть даже оно у нас было и последним.

Огромное помещение в сто квадратов ко всему прочему было еще и музеем семьи, здесь хранились все артефакты наших предков. В золоченых, огромных рамах весели картины и портреты. На картинах были запечатлены битвы предков, в основном борьба волков и оборотней.

Мои глаза бездумно блуждали по портретам, а затем в одном из них я узнал свою мать. Молодая, красивая, темноволосая девушка, совсем еще ребенок: ее бирюзовые глаза светились счастьем. Раньше мне никогда не приходилось видеть этого портрета. Я поднялся из-за стола и подошел к стене. В каждой линии ее черт я видел самого себя.

Неудивительно, что отец меня так сильно любил, Леля была любовью всей его жизни: во мне отец всегда видел ее отражение. Даже свою первую жену Зою он никогда так не любил как мою мать. В детстве, мне удалось подслушать разговор тетки и сестры, где Настя сетовала на то что, не смотря, на смерть Лели отец продолжает ее любить. Сестра была сильно привязана к отцу и страдала оттого, что отец многие годы оставался одиноким. И теперь мне кажется, что именно ради Насти отец в прошлом году женился снова.

Мой слух уловил скрип двери, открывшись, она пропустила внутрь поток воздуха вместе с невыносимо приятным и желанным запахом. Я сделал глубокий вдох и оглянулся: в библиотеку заглянула Кира. Она сразу заметила меня и зашла, плотно прикрыв за собой дверь.

– Вы, что? избегаете меня? – холодно спросила она, медленно шагая ко мне навстречу.

– Нет, с чего ты взяла? – театрально пожал я плечами и уверенно заглянул в ее суровые глаза.

– Да так, ни с чего, – фыркнула Кира, – Мы с вами договорились, только вот я выполнила часть своего уговора, а вы до сих пор нет!

– Я как раз собирался это сделать, – признался я. Мое увиливание от ответов и так затянулось, и это все могло плохо кончиться.

Кира удовлетворенно вздохнула, и ее напряженная фигура расслабилась, на лице появилась слабая пародия на улыбку. И лишь глаза оставались суровыми, недоверчивыми.

– Итак, с чего же мы начнем?

Мои мысли путались в голове, если рассуждать правильно, то прежде чем убить Змея, надо найти меч богов, который по чистой случайности находится у самого Змея. Надеюсь, что Кира об этом не знает.

– Сначала мы найдем «меч дракона», – предложил я, – Ты, наверное, помнишь, я уже рассказывал о нем тебе.

– Да, что-то вспоминаю. Мама писала о нем в своем дневнике.

– В каком еще дневнике? – теперь пришла очередь удивляться мне.

– Тетка отдала нам мамин дневник, когда на Сергея напали вампиры. Мама утверждает, что они с отцом были хранителями «тайника богов», – тихо прошептала Кира, и ее губы сурово сжались: из чего я сделал вывод, что разговор о родителях причиняет ей боль.

– Ты хочешь сказать, что твои родители жили в Кемерово? – снова удивился я и немного разозлился. Я потратил столько времени на поиск этого тайника, хотя был уверен в том, что его вообще не существует, а тут обнаруживается дневник, в котором есть неопровержимые подтверждения его существования.

– Да, мама с отцом прожили там всю жизнь.

– Значит, тебе должно быть известно, что произошло на самом деле, и кто разорил «тайник богов»? – немного взволнованнее, чем надо спросил я Киру. Если выйдет так, что она знает о пропажи меча из «тайника богов», то ее не обманешь и не заставишь идти по ложному следу и искать загадочный тайник. А ведь в этом именно и заключался мой план: поездка в Кемерово пошла бы ей только на пользу и оттянула на неопределенный момент выполнение дальнейшего плана мести.

– Когда мы с Сергеем были маленькими, в Кемеровской области объявились «темные». Они разорили тайник, убили отца и ранили мать волшебным мечом – именно из-за этих ран, скорей всего, мать и умерла.

– Почему ты думаешь, что твою мать ранили именно мечом дракона? – немного раздраженно воскликнул я. Все никак не мог смириться с той мыслью, что Кира знает, где находится этот чертов меч дракона. Сама мысль о мести меня приводила в ужас. Я много раз жалел о том, что именно этой мыслью о мести и удалось вырвать Киру из рук смерти – желанной смерти. Но тогда я совсем не соображал, что творю, для меня все было действительно – лишь бы Кира хотела жить дальше.

Ужасающая реальность и последствия всего моего поступка обрушилась на меня чуть позже, и теперь не проходило и дня, чтобы я не представлял себе, что, пытаясь достичь своей цели, Кира может погибнуть. Все эти размышления просто убивали меня. Такую бурю чувств мне раньше не приходилось испытывать, а присутствие Киры лишь сильнее усиливало эту неистовую бурю в моей душе.

Думая о ней, я одновременно мог быть счастлив и раздавлен, волнение, возбуждение, тревога, опасения, нежность, влечение, желание, страх быть отвергнутым ею или страх ее потерять – все эти чувства просто сводили меня с ума. Они бурлили во мне кипучим гейзером и рвали на части. Все это время я находился в смятении чувств и с трудом себя сдерживал, чтобы не сделать чего-то неисправимого.

Кира нахмурилась, наверно решила, что я не верю о существовании дневника и, о том, что ее родители были хранителями меча богов. Конечно, я ей верил и даже жалел, что не узнал об этом раньше, но сейчас любая мелочь могла стать моим шансом, чтобы как-то отсрочить неизбежное.

– У меча есть особое свойство, стоит ему коснуться плоти, как он блокирует способности бессмертных, а точнее регенерацию и восстановление всех тканей, – чуть раздраженно просветила меня Кира. Все это мне уже было известно: отец успел рассказать об этом немного раньше. И все же я приподнял удивленно бровь: пусть Кира думает, что я ничего об этом не знал.

Черт! Я немного переиграл. Глаза Кире потемнели, стали колючими и почти черными. Я с трудом заставил себя дышать спокойно, чтобы не выдать своего волнения, вызванное откровенным враньем. Тот факт, что я лгу Кире, волновал меня, ведь мне совсем этого не хотелось делать.

– Что за комедию вы разыгрываете здесь? – сквозь зубы прошипела она и быстро засопела носом. Ее челюсти сжались, и до моих ушей донесся хруст пальцев, сжимающихся в кулаки. – Все эти слова о мести, все это ложь? Да? – сердито возмутилась она. Глаза ее заблестели, и мне показалось, что она вот-вот прожжет меня взглядом.

Я поспешно попятился назад. Нет, конечно, я не испугался ее огненного зренья семаргла, оно не убьет меня, но зато на долгое время покалечит, да и раны будут заживать несколько дней. Всего этого мне просто хотелось избежать. Я с тревогой смотрел в ее глаза, они стали золотисто-огненными, еще миг и пламя вырвется из них: сожрет все на своем пути. Но Кира медлила, не торопилась на меня нападать, мне думалось, что она ждала ответа, только он мог спасти меня самого и бесценное содержимое всей библиотеки. В горле пересохло: я снова собирался лгать и, поэтому мой голос немного дрогнул:

– Нет, Кира, это не ложь – все, что я тебе говорил все это правда.

– Я не верю вам! – сердито взревела Кира, и из ее огненных глаз вырвались лучи. Я быстро отскочил от них в сторону и проследил, куда они попадут.

– Боже мой, Кира! Угомонись, – пытался призвать я ее к разуму, – эта картина Вазари Джарджо «Персей и Андромеда» – подлинник!

Я ловко содрал со стола скатерть и накинул ее на загоревшееся полотно шестнадцатого века. Кира же не послушалась меня, и ее взгляд переместился на мою рубашку, пламя в считанные секунды распространилось по хлопчатой ткани, обжигая при этом мою грудь. Я рывком сорвал с себя рубашку, бросил на пол и затоптал, затем перекувырнулся через спину, прокатился по полу к доспехам, сорвал щит и прикрывшись им.

– Кира, угомонись, умоляю тебя! – вскричал я и выглянул из-за щита: наши взгляды встретились, ее лицо исказилось ненавистью, и огненные глаза выпустили новые огненные лучи, они ударили в железный щит и раскалили его докрасна. Щит обжог мне плечо и руку: мне пришлось его отбросить. Я раздраженно выругался и поднялся с корточек, уверенно посмотрел Кире в лицо и признался:

– Да, я врал, все это было ложью. – Мне не хотелось признаваться в своем нелестном поступке, но иначе мне было ее не остановить. Тысячелетняя история нашего народа и реликвии оставались для меня куда важнее, чем моя уязвленная гордость. Я не мог позволить все это спалить дотла.

– Зачем? – удивилась Кира. Ее глаза снова стали нормальными, и злая маска лица сменилась на маску негодования.

Ее вопрос заставил меня врасплох. Мое сердце мечтало ей во всем признаться, а разум останавливал от беспечного поступка, который усугубит наши и так нескладные отношения. Черт! Приходилось врать снова.

– Кира, прости, но я не мог позволить тебе просто умереть. Отец просил меня вернуться и помочь ему. – Отчасти это было не ложью, но и не совсем правдой, ведь я обманул ее из-за того, что любил; из-за того, что боялся, что однажды ей все-таки удастся себя убить; из-за того, что я был эгоистом и уже не представлял свою жизнь без нее, пусть даже ни в роле спутника, возлюбленного, а просто другом, родственником, знакомым, но это все же было лучше, чем жить с тем, что ее больше нет! Нет! Нет в этом мире! И я никогда не смогу ее увидеть, ощутить

аромат ее тела, услышать ее голос, услышать ее смех. В тот момент для меня было главным не ее чувства, а мои, мой страх, что я останусь без нее...

– Вселить в меня пустые надежды – для вас это значит помощь? – рассвирепела она, и ее глаза снова стали светиться.

Я бросился к ней, прежде чем она еще раз успела меня обжечь. Я крепко схватил ее за руки и посмотрел в ее глаза. Единственное что на теле семаглов и рогов не поддавалось огню так это глаза. Как не прискорбно, но даже после сожжения от наших тел оставались горстки пепла и глаза. Кто-то из «темных» на допросе сказал, что повелитель делает из них себе четки. Я конечно в это не верил, считал, что вампир просто поддразнивал нас, но с тех пор отец тщательно собирал все останки погибших воинов, где бы то не случилось...

Кира попыталась выдернуть свои руки, ее губы превратились в тонкую линию, а на переносице появились забавные морщинки. Девушка сердилась, дыхание и биение сердца участились, чем привели меня в легкое замешательство. Я вдохнул воздух. Четкий запах ее тела заполнил мои ноздри и попал в рот, я даже смог опробовать его на вкус. Мне снова захотелось коснуться ее кожи, но не так как я делал это сейчас, а нежно. Мне хотелось гладить ее кожу, волосы я хотел опробовать своими губами ее кожу на вкус. И уверен, что именно в этот момент она немного солоноватая: ели уловимый запах соли коснулся носа. В голове рисовалась картина, как я медленно и осторожно касаюсь ее руки, глажу ее ладонь, целую ее плечико...

В этот миг Кира выпустила в мои глаза огонь. Яркая вспышка ослепила меня, тепло достигло моего разума, и в голове стали появляться образы. От этих картин – ее воспоминаний меня крутило, выворачивало наизнанку. Я, конечно, представлял, как Кире было тяжело пережить свою потерю. Но увидеть это и пережить все то, что она пережила, вместе с ней заново, было выше моих сил. В горле пересохло, руки застыли, я, словно окаменел. Моя грудь рвалась от боли и отчаянья, меня тошнило от страха и ужаса. Мне хотелось исчезнуть, свернуться на полу в клубок как змея и просто от всего этого избавиться.

– Кира, прекрати! – взмолился я.

Кира тут же прикрыла глаза и обмякла в моих руках: воспоминания явно вымотали ее. Я крепко прижал Киру к груди и присел на пол вместе с ней. Кира чуть вздрагивала, ее дыхание было неровным. Из уголков глаз показались слезы. Я осторожно вытер их рукой и, погладив ее по голове, тихо зашептал:

– Прости меня, Кира. – Она снова плакала из-за меня, и это осознание просто меня убивало, а ведь я обещал, что такого больше не повторится. Совладать со своим страхом за ее жизнь мне не удавалось, и это усложняло выполнение данного себе обещания. Для того чтобы она перестала изводить себя, я должен был ей помочь отомстить, но помогать ей мстить я не желал, так как точно был уверен в том, что нам не одолеть демона.

Мои мысли судорожно кружились в голове: найти в сложившейся ситуации компромисс никак не удавалось. Из ее глаз снова потекли слезы. Я стиснул зубы, мне была ненавистна мысль, что Кира снова утратит смысл к жизни, хоть и теперь он был низменным и злобным. Пусть лучше она живет, и пусть ради этого мне придется пожертвовать своим эгоизмом, который рождал во мне страх потерять ее – другого выходы я не видел. И все же лучше провести с ней некоторое время, чем потерять ее сейчас – потерять навсегда...

Я осторожно взял ее лицо в ладони и повернул к себе. Оно было бледным, безразличным. Бледные почти просвечивающиеся веки тихонько задрожали, и Кира открыла глаза: серые, пустые, безжизненные – они бездумно смотрели сквозь меня.

– Кира, – окликнул я ее, надеясь, что она посмотрит на меня иначе, – прости меня, я был не прав. И обещаю, что помогу тебе, как и говорил раньше. – Кира никак не реагировала на мои слова, на ее лице не дрогнула ни одна мышца. Я легонько встряхнул ее и придал своему голосу больше эмоций: – Кира мы найдем меч и убьем демона, я обещаю тебе! Кира, ну скажи что-нибудь – не мучай меня. Отец не сможет пережить твоей смерти! – И я тоже не смогу этого

пережить! – мне хотелось ей это сказать, чтобы она знала, что значит для меня, но я сказал совсем другое: – Кира, не надо возвращаться в свою пропасть, там нет ничего и никого.

Я замолчал, а Кира отвернула от меня свое лицо и устало вздохнула. Затем резко поднялась на ноги и зашагала к двери, но у выхода немного замешкалась: она обернулась и посмотрела на меня святающимися глазами.

– Если ты снова меня обманешь, то я сама отправлюсь за мечом! – уверенно пообещала она, а после чего ушла.

В ее обещании я не сомневался, правда, сомневался, что ее поспешное решение было обдумано. Да, она была сильной, но, чтобы выкрасть меч у самого Змея, одних слов и одного желания очень и очень мало...

* * *

Перед сном мне хотелось заглянуть к Кире, чтобы успокоить себя и убедиться – все ли в порядке с ней. Мысли о суициде я гнал прочь, меня и без этого просто вымучили мысли об ее безмерной любви к чудовищу. Теперь не приходилось сомневаться в этом, так как Кира прекрасно все продемонстрировала. И больше всего я злился не на правду, а на то, что меня это волнует – Влад мертв, но я продолжал безумно ревновать его к Кире. И еще я боялся, что мне никогда не добиться от Киры подобных чувств...

Лифт остановился, и, когда его двери открылись, я услышал скрип двери. Я прислушался к звукам:

– Привет, сестренка, – громко поздоровался Сергей с Кирой, и до меня донесся звонкий братский поцелуй.

– Привет, – Кирина ответ я расслышал с трудом, ее голос казался слабым и безжизненным.

Но она все еще была жива, и от этой мысли я улыбнулся. Я направился к двери, хотелось послушать, о чем брат с сестрой будут говорить. И, как нехотая, в кармане зазвонил мой сотовый телефон. Я поспешил его высунуть из кармана и выключить, с невероятным усилием поборов желание раздавить эту железяку. Мне пришлось уйти, не хотел чтобы меня кто-нибудь заметил: в семье и так уже ходили слухи о моем повышенном внимании к Кире, и некоторые смельчаки с некоторых пор заключали пари о предстоящей свадьбе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.